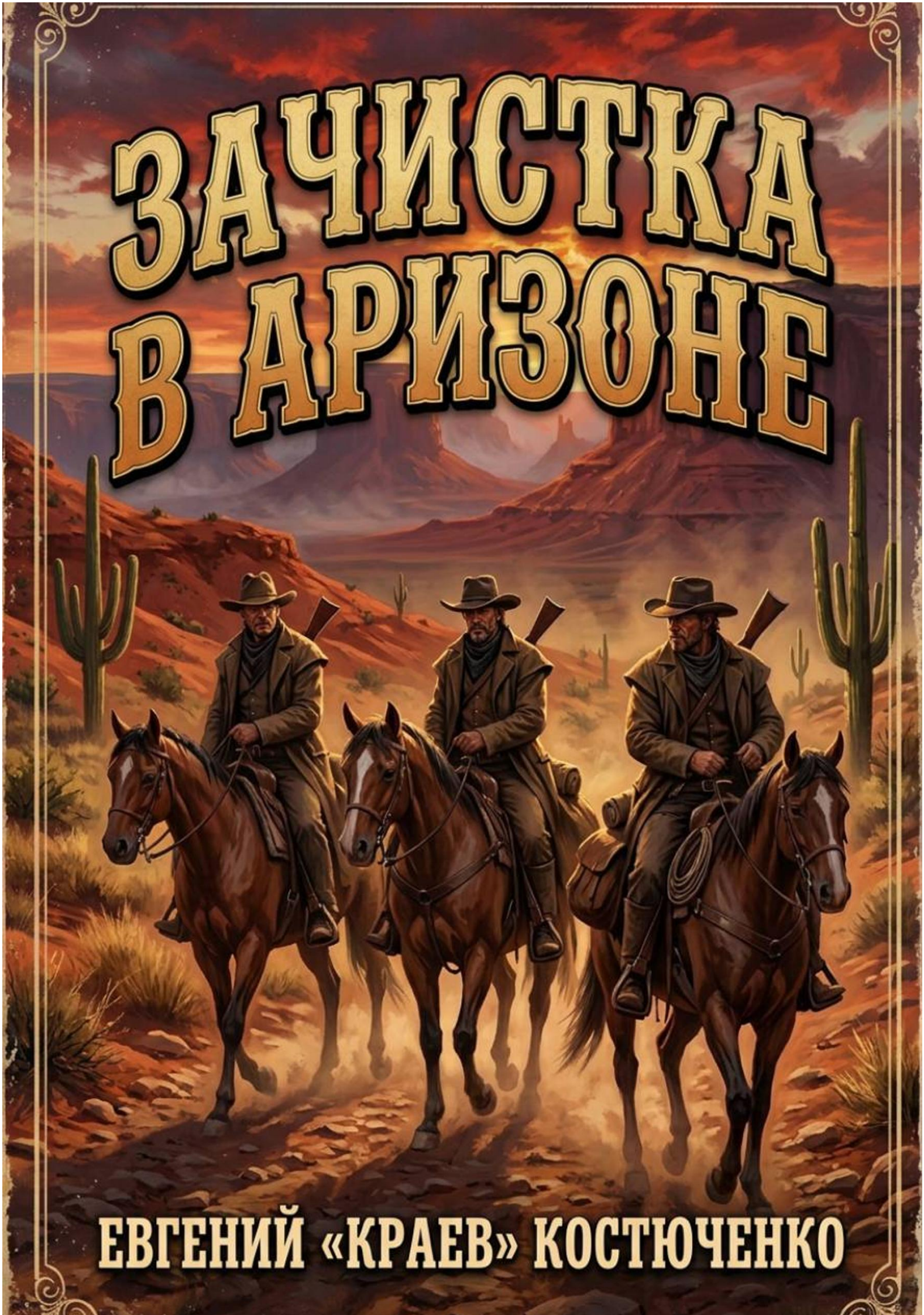
ЗАЧИСТКА В АРИЗОНЕ

ЕВГЕНИЙ «КРАЕВ» КОСТЮЧЕНКО

Евгений "Краев" Костюченко

Зачистка в Аризоне

«Автор»
2026

"Краев" Костюченко Е.

Зачистка в Аризоне / Е. "Краев" Костюченко — «Автор», 2026

Двое одесских друзей, оказавшись в Америке, поневоле превратились в Потрошителя Банков и Черного Испанца. Да, они не в ладах с Законом. Но и они не могут терпеть беззаконие, которое превращает людей в рабов и животных.

© "Краев" Костюченко Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Евгений «Краев» Костюченко 5
Зачистка в Аризоне 6
1. Перехват 6
2. А в это время в Мексике, на границе с Аризоной… 11
3. Мистер Смит и мистер Смит, алхимики 15
4. Перевал 20
5. Пустыня 25
6. Змеиная долина 31
7.Работа для Мутноглазого 37
8. В городе 42
9. Полковник Тирби и его друзья 48
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Евгений "Краев" Костюченко
Зачистка в Аризоне

Евгений «Краев» Костюченко

Зачистка в Аризоне

1. Перехват

Они сидели вчетвером за покерным столом, но играли только для виду. Кирилл незаметно следил за охранниками, Энди Брикс наблюдал за кассами, и лишь Илья с Диком изображали азартных игроков.

Этот игорный дом располагался на окраине городка Флэшбург, штат Колорадо. Одним из его владельцев был местный шериф. Прежний слуга Закона сетовал на плохое освещение городских улиц, видя в этом причину роста преступности. При новом шерифе жить стало гораздо спокойнее, хотя фонарей на улицах не прибавилось. Прибавилось только одно сооружение – виселица во дворе городской тюрьмы. И первое время она редко стояла без дела.

Наведя порядок на улицах, шериф взялся за порядок в домах - игорных и публичных. Им было запрещено работать в черте города. Подходящих зданий за городом было не так много, и все они, по невероятному стечению обстоятельств, принадлежали ближайшим родственникам шерифа. В конце концов флэшбуржцы и гости города привыкли отправлять свои азартные потребности в одном-единственном игорном доме, который звучно назывался «Одеон».

Через Флэшбург лежала дорога к золотым приискам, и многие посетители расплачивались не банкнотами или монетами, а песком и самородками. Чрезвычайно высокая концентрация шальных денег в одном месте делала это место чрезвычайно привлекательным для Энди Брикса.

Две недели его команда тщательно изучала географию Флэшбурга и окрестностей. Особенно окрестностей. Все дороги, тропы, ложбинки и рощицы были осмотрены, пройдены и местами даже измерены. Сегодня они пришли на разведку в «Одеон». Отдали неизбежную дань Черному Джеку, насладились пением и пластикой местного колоратурного сопрано, отведали «натурального шотландского виски» - и наблюдали, подсматривали, вынюхивали.

К исходу третьего часа наблюдений Кирилл досконально изучил путь, по которому собранная выручка перетекает в сейфы подвалов «Одеона», откуда, как он уже знал, каждое утро ее увозят в банк. Охрана перевозки была организована безупречно, со знанием дела, но Энди Брикс и не собирался затевать сражение с перевозчиками. Он нашел уязвимое место в этой цепочке – участок между кассой и подвалом.

Они изучили подходы и выходы, расстановку охранников, их вооружение и черты характера. Увиденное весьма способствовало росту их оптимизма. Посчитав работу выполненной, они понемногу втянулись в игру. И тут Остерман завелся.

Он не горячился, как Дик, и не посмеивался, как Энди. Он вдруг стал абсолютно серьезен. Во время сдачи карт Илья подчеркнуто откидывался на спинку стула, смотрел в потолок и брал свои карты последним. Говорил он только тогда, когда требовалось объявить свой ход. Ни слова о репертуаре и габаритах колоратурного сопрано. В общем, вел себя неприлично. Особенно если учесть, что при этом ему страшно везло.

- Билли просто решил нас разорить, - пожаловался Дик, бросая на стол последний доллар.

- Ты играешь слишком серьезно, - сказал Кирилл.

- А я все делаю серьезно, - заявил Остерман. – Иначе какой смысл что-то делать?

Кирилл уже был готов завести философическую дискуссию о бесполезности поисков смысла в любой деятельности, но ему неожиданно помешали резкие изменения в программе.

В «Одеон» не принято было ходить с оружием. Привратники на входе коротко и вежливо объясняли новичкам, что здесь собирается почтенная публика, поэтому свои пушки им следует оставить дома, а в «Одеон» приходить налегке, и в кармане должны звенеть не патроны, а

монеты. Закон этот соблюдался строго и без исключений. Тем сильнее было удивление почтенной публики, когда на сцену вместо колоратурного сопрано вышел давно не бритый джентльмен в кожаном жилете, держа в каждой руке по револьверу.

Небритый джентльмен объявил:

- А следующим номером программы будет абсолютно добровольный сбор пожертвований в благотворительный фонд Такера. Всем ясно?

Охранники, находившиеся в зале, ничего на это не возразили, потому что лежали на полу в позе миссионера, но без дамы, а над ними стояли вооруженные джентльмены, по виду – единоутробные братья выступающего.

Сбор пожертвований начался с кассы. Выручка сноровисто укладывалась в мешки с клеймом федеральной почты, что говорило о разнообразии интересов «фонда Такера». Поскольку на столах тоже заманчиво высились горки денег, единоутробные принялись ходить по залу с мешком и очищать столы с помощью лопатки, любезно предоставленной им местным крупье.

Кирилл с интересом наблюдал за действиями конкурентов и мысленно аплодировал им. Они тоже обнаружили уязвимое звено в цепи «карман-касса-банк», но использовали его не на сто, а на сто пятьдесят процентов. Если все закончится удачно, то они унесут отсюда не только законную выручку игорного дома, но и деньги, которые посетители проиграли друг другу. Или выиграли, мысленно добавил Кирилл, увидев лицо своего удачливого партнера, Ильи Остермана.

А тот был весьма огорчен такими изменениями в программе вечера, хотя и старался не подавать вида. Его лицо сохраняло выражение полной сосредоточенности на игре, хотя игра и закончилась. Но губы были сжаты в бесцветную складку, а брови сведены к переносице – верный признак того, что Илюха готов к драке. Он сидел, отодвинувшись от стола, будто собрался уходить.

Когда сборщики пожертвований приблизились к их столу, Энди Брикс вдруг повернулся к Илье и спросил:

- Билли, ты не помнишь, какой сегодня день? Вторник или четверг?

Остерман посмотрел на него невидящим взором.

- Что? Не знаю…. Черт, Энди, что за идиотский вопрос? Сегодня среда!

Лопатка, конфискованная у крупье, загребла деньги Ильи в тот момент, когда Энди говорил ему:

- Прекрасно, Билли! Значит, завтра уже четверг. А там и суббота не за горами. А потом и новая среда! Понятно?

- Ты прав, как никогда, - медленно выговаривая каждое слово, ответил Илья, и Энди Брикс подарил ему самую безмятежную из своих улыбок.

Бандиты из «фонда Такера», наверно, решили, что эти двое свихнулись от страха. Они и не подозревали, что Остерман мог бы в два счета обезоружить одного и прибить второго, а там….

Кирилл видел, что Илья вполне мог сорваться. Понятно – его ведь никогда раньше не грабили. Такое трудно стерпеть.

Очень вовремя Энди вмешался, очень вовремя. Своим бессмысленным вопросом он напомнил Илье, что сегодня – не конец света. Будет новый день, будет новая игра, будут новые выигрыши. Но только для тех, кто сегодня останется в живых. А лихая схватка с грабителями предоставляла мало шансов дожить до новой партии.

- Не обязательно ждать целую неделю, - сказал Кирилл, глядя, как бандиты по одному уходят за кулисы. – Смотри, они попали сюда из комнатки музыкантов, так?

- Значит, сейчас они направятся в кухню, а оттуда… - Энди потер виски. – Оттуда на улицу. А наши кони стоят на заднем дворе. Думаешь, успеем?

- Если не спустятся в овраг.

- Не спустятся. Пока сползешь по склону, тебя сто раз расстреляют. Они будут уходить по дороге. Да, жалко упускать такой шанс.

- Что вы там шепчетесь? – обиженно спросил Илья, подавшись вперед.

- Пошли!

Энди решительно направился к кассам. Охранники стояли там, отряхиваясь с пристыженным видом.

- Откройте ход в подвал! – приказал им Брикс.

- Извините, сэр, но…

- Живо! А то они уйдут!

Охранники отперли решетку, и Энди побежал вниз по железной винтовой лестнице. Кирилл ринулся следом, перепрыгивая через несколько ступеней. На выходе их ждали Коннорс и Сэм Джексон, охраняя лошадей.

- Что там у вас творится? – поинтересовался Сэм. – Какие-то грязные типы подъехали толпой и завалились в ресторан. Оружия на них столько, что хватило бы на эскадрон. Неужели таких пустят в казино?

- Их и впустили, и выпустили, - усмехнулся Кирилл. – Энди, как думаешь, они махнут через кладбище?

- Только так! Вперед!

Отход через кладбище был одним из десятка вариантов, которые вся команда обсуждала последнюю неделю. Его единственным недостатком была узкая извилистая дорожка, ведущая через заброшенный сад. Там можно было ожидать засады. Просто потому, что Энди Брикс всегда и везде ожидал засады. Но теперь этот недостаток превращался в огромное преимущество.

Кони рванули через пустырь к саду. Кирилл на скаку переложил револьверы из седельных сумок по кобурам. Легкий «смит» он обычно держал на бедре, а более солидный кольт сорок пятого калибра носил на поясе.

Они едва успели домчаться до крайних деревьев, когда позади началась пальба. Кирилл понял, что банда Такера, покинув казино, напоролась на охранников, которые поспешили на подмогу своим собратьям в «Одеоне». Такер был отважным парнем, но он не следил за развитием прогресса. Он, наверно, даже и не слышал о таком новшестве, как телефон.

Теперь оставалось только ждать развития событий. А пока они спешились и, спрятав лошадей за деревьями, залегли в густом кустарнике вдоль дороги, ведущей на кладбище. Кирилл, как всегда, был с Ильей, рядом устроился Дик. А Энди с Сэмом и Коннорсом заняли позицию на изгибе дороги.

- Несутся, - сказал Дик, вглядываясь из-под руки. – Интересно, сильно их пощипали?

- В зале их было одиннадцать, - сказал Кирилл. – Сейчас, кажется, стало меньше.

- Шесть или семь, - сосчитал Остерман. – Гады, они разбились на две кучи. Поди угадай, у кого все деньги.

Стайка всадников неслась, поднимая шлейф пыли. За ними из-за холма вынырнула еще одна группа, чуть более многочисленная. И гораздо более шумная – всадники палили на ходу, догоняя дым от собственных выстрелов.

- А вот и погоня. – Дик поправил прицельную рамку «шарпса». – Что-то отрыв небольшой. Не зацепить бы кого из ребят Такера.

- Чем они тебе так понравились? – спросил Илья, заряжая запасные карабины.

- Просто не хочется делать чужую работу. Крис? Пора?

Кирилл прикинул дистанцию и наметил ориентир.

- Отсекаем, как только первый пройдет мимо вон того одиночного мескита. Мои слева, твои справа.

Три слаженных залпа остановили погоню. Две лошади упали, вздымая облака пыли. Хромающих седоков подобрали товарищи, и преследователи отступили за холмы.

Бандиты Такера, услышав стрельбу, закружились на месте, паля во все стороны из револьверов. Дождавшись, когда они расстреляют по барабану, Дик крикнул им:

- Вам не уйти, парни! Бросьте мешки, и мы никому ничего не скажем!

- Подлые трусы! – заорал в ответ самый горластый из налетчиков. – Если вам нужны наши деньги, придите и возьмите их!

Выстрел Кирилла сбил с него шляпу.

- Парни, охрана сейчас вернется! – Дик продолжал увещевать бандитов. - Все мужчины Флэшбурга сейчас седлают коней и заряжают винчестеры! У них свежие лошади, и они уже известили всех на вашем пути! Вам некуда деваться!

Бандит вскинул винчестер, но с другого фланга раздался выстрел, и винтовка отлетела в сторону.

- Окружили, гады! – в отчаянии завопил раненый.

- Черт с вами!

Два мешка тяжело плюхнулись в дорожную пыль.

- Минуточку, - возмутился Остерман. – А где еще один?

- Не будь таким вредным, - сказал Кирилл, откладывая карабин в сторону.

А Дик прокричал:

- Счастливого пути!

И с обеих сторон дороги ударили шесть револьверов, подгоняя роем пуль ограбленных грабителей.

***

Разложив деньги по седельным сумкам, Энди Брикс закопал пустые мешки, забросал ветками и сказал:

- Теперь можно спокойно вернуться на ферму.

- А если уже завтра подвернется выгодное дело? – спросил Илья.

- Жена рожать собралась, - улыбнулся Брикс. – Ты можешь предложить что-нибудь более выгодное, чем рождение сына?

- Я тоже жду большого приплода, - важно сказал Коннорс. – Парни, не желаете малость поработать на моем ранчо? Даю тридцатку в месяц.

- Тридцатку? Нам-то мог бы и накинуть по дружбе, - заметил Сэм.

- Нельзя, другие ковбои обидятся. Соглашайтесь, парни. Кормежка – моя, барак почти новый, залатаете дырки в крыше, и горя знать не будете.

Рассмеялись все, кроме Остермана.

- Ребята, я серьезно, - сказал он. – Есть одна идея, можем неплохо заработать. Я подслушал разговор за соседним столом. Парень привез кучу денег из Аризоны. Есть там такое местечко, Тирби…

- Остынь, Билли. Тебе мало того, что ты получил сегодня? – спросил Брикс. – Хочешь, возьми мою долю. Я не шучу.

- Возьми и мою, - сказал Дик, - и поехали со мной. Мне нужен богатый партнер, чтобы раскрутить новый бизнес. Правда, Билли, ты парень башковитый, поедешь на Восток, закупишь оборудование…

Остерман перебил его:

- Парни, я вас не узнаю! Если вы решили завязать, так и скажите. Чтоб я не отрывал вас от домашних забот.

- Ничего мы не решили, - сказал Сэм. – Если найдешь что-нибудь подходящее, дай знать. На нас с Диком всегда можешь рассчитывать. Но лучше бы, ребята, вам устроить передышку. Поживите у нас в Техасе, отдохнете, поохотимся …

- Извини, брат, - сказал Кирилл, прерывая неловкую сцену, - но мы с Билли уже нацелились на Аризону.

За кладбищем они разбились на пары и разъехались в разные стороны – кто вдоль ущелья на юг, кто через степь на восток, а Илья с Кириллом поднимались по извилистой тропе в горы, двигаясь на запад. Одолев перевал, Кирилл оглянулся.

Когда смотришь с высоты на степь, уходящую за горизонт, начинает казаться, что там, вдалеке, видно море. И чем дольше вглядываешься, тем яснее становится синяя полоска.

- Что встал? – спросил Илья.

- Видишь море?

- Я еще не пил с утра. Кира, как думаешь, почему ребята скисли, как только услышали про Аризону?

- Не знаю. Они и про Флэшбург поначалу слышать не хотели. Наверно, устали. Захотели спокойной жизни.

- Спокойная жизнь никому не идет на пользу, - заявил Илья. – Даже свиней надо гонять, чтобы мясо было не слишком жирным. А лошади от застоя просто умирают.

- Рассуждаешь, как фермер.

- С кем поведешься…. У Энди с Коннорсом в последнее время все разговоры только о лошадях, надоях и люцерне. Как думаешь, они приедут, если мы вызовем?

- Не знаю.

- Если не приедут, справимся вдвоем, - решительно сказал Илья. – Пусть потом локти кусают. А мы справимся.

- Если справимся без них, ребята обидятся. А если погорим вдвоем, обидятся еще больше. Нет, Илюха, либо работаем командой, либо не работаем вовсе.

Остерман хотел что-то ответить, но тут его мерин ступил на осыпь и по самое брюхо погрузился в мелкие камни. Дальше двигаться было опасно, и они повернули назад, чтобы отыскать другой путь. На обрывистом горном склоне было не до разговоров. Но когда лошади выбрались на скотоперегонную тропу, Илья все же спросил:

- А ты сам-то как? Тоже о спокойной жизни мечтаешь?

- У меня и так спокойная жизнь, - ответил Кирилл.

2. А в это время в Мексике, на границе с Аризоной…

Каждый раз, оказываясь в долине Горячих Камней, дон Хосе Игнасио де Рибейра, благородный предводитель дюжины рыцарей без страха и совести, чувствовал себя немного неуютно. Его далекие предки-испанцы когда-то владели и этой долиной, и всеми землями вокруг, от моря до моря. С тех пор прошло много лет, и от прежнего богатства осталось только громкое имя. Да еще память о том, как здесь, в этой долине, окончил свой век предок дона Хосе, дон Аугусто, поднятый на вилы восставшими крестьянами. Вероломные и неблагодарные холопы растерзали дона Аугусто, да так, что карательная экспедиция не нашла даже его пуговиц. Возмездие оказалось вполне достойным – все население долины, от мала до велика, было истреблено, дома сожжены, а пепел развеян по ветру. После этого долина и получила свое имя…. По крайней мере, так гласила семейная легенда, которую дон Хосе слышал от матери.

Однако скорее всего, своим названием местность была обязана климату. Высокие горы окружали долину со всех сторон, не пропуская сюда дождевые тучи, заставляя землю страдать от вечной засухи. Казалось чудом, что на склонах росла кукуруза и фасоль, перец и томаты, авокадо и картофель. Но это чудо сотворили человеческие руки. Трудолюбивые жители долины, заселившие ее несколько десятилетий назад, проложили оросительные каналы, вырубили непроходимые заросли мескита на склонах и бережно ухаживали за каждым ростком.

На этой земле, докрасна высушенной солнцем и ветрами, работали люди с такими же красными выжженными лицами. На них были широкополые соломенные шляпы, белые домотканые рубашки и штаны. В такой одежде удобно работать под жгучими лучами. Просто скроенная и крепко сшитая, она долговечна, поэтому крестьяне носят ее всю жизнь. Они и после смерти не расстаются с ней, потому что у них нет никакой другой одежды, в чем лечь в могилу.

Банда Рибейры спустилась по горной дороге и напрямик через поле, топча посевы, поскакала к деревне. Следом ехали два дилижанса. Люди в белом почтительно замирали при виде кавалькады. Те, кто склонился с мотыгами в руках, не разгибались, а поднявшие мачете не опускали его. И даже тощие мулы застыли у дороги, словно каменные изваяния, увидев, как замерли их погонщики.

Рибейра знал, что одно его имя вселяет в этих людей леденящий, парализующий страх. Это было лестно, хотя и забавно – нищим крестьянам незачем было бояться его. Они не представляли для него никакого интереса, как для волка не представляют интереса муравьи.

Этого волка когда-то интересовал скот. Еще совсем недавно дон Хосе Игнасио де Рибейра занимался, выражаясь языком гринго, очень простым бизнесом. Отбить стадо, разогнав или перестреляв пастухов. Переклеймить скот тавром «окно», которое перекрывает любые другие знаки. Перегнать стадо через реку и выгодно продать. Там же, в Аризоне, угнать табун, увести его за реку и продать армейским интендантам, которые не обращают внимания на мелочи вроде тавра.

Это был несложный и выгодный бизнес. Дон Хосе удивлялся иногда, почему все поголовно не занимаются таким делом в этих благословенных краях? Неужели кому-то могла нравиться крестьянская жизнь? Вечно ковыряться в земле, возить воду для полива, пасти баранов, доить коров? «Просто эти люди неспособны на большее. Они метисы, и этим все сказано. Тот, в ком течет креольская кровь, не стал бы терпеть столь унизительное существование», - решил для себя Рибейра, подъезжая к деревне и оглядывая убогие хижины.

Впрочем, сам он уже и забыл, когда в последний раз угонял скот. Сейчас дон Хосе нашел занятие, более достойное его происхождения. Он состоял на службе у дамы, занимающей очень, очень высокое положение в Аризоне…

Люди в белом застыли, провожая всадников испуганными взглядами. Банда, вздымая густую рыжую пыль, прогарцевала мимо навесов и сараев, крытых тростником, мимо полуразвалившейся церкви, мимо облупленных домиков.

Разделившись на группы по трое-четверо, бандиты разъехались в разные стороны, уверенно находя дорогу к знакомым амбарам и погребкам, а дилижансы остановились у безводного каменного фонтана, рядом с домом лавочника.

Хозяин лавки уже стоял на пороге с видом покорного страдания. В отличие от своих нищих односельчан он не носил белых одежд. Его новая розовая сорочка с мелким узором была опоясана высоким кушаком. За его спиной в полутемном проеме двери мелькнула жена, в запоздалой панике вынимающая золотые серьги из ушей.

- Друг мой драгоценный! Как я рад тебя видеть! – воскликнул Рибейра, похлопав лавочника по плечам. – Налей-ка мне чего-нибудь!

Он деловито прошелся по веранде, умылся в глиняной бочке с питьевой водой и вытер лицо шейным платком.

- Если бы ты только знал, как приятно бывать в вашей деревне. Сердце мое наполняется радостью, когда я вижу тебя и эти ухоженные поля. Благословенный край…

Рибейра по-хозяйски расположился за столом на веранде. Трое телохранителей остались снаружи, почтительно присев на крыльце. Остальные бандиты, не обращая внимания на причитания женщин и угрюмые взгляды крестьян, уже вьючили на своих лошадей мешки и тюки, связанных кур и прочую добычу.

Лавочник, подобострастно изогнувшись, поставил на стол глиняную чашку с пульке, и Рибейра, отхлебнув, принялся беседовать с хозяином. Чем еще усталый путник может отплатить за гостеприимство, как не приятной беседой?

- Драгоценный друг мой, до чего же тяжелые времена настали для порядочных людей. Сигару мне! Да… Ты не представляешь, как низко пала нравственность в этом мире. Никому нельзя верить. Цены на мясо растут, а на скот – падают. Как такое может быть? Мир сошел с ума, вот что я тебе скажу. Знаешь, дружище, я покончил с животноводством. Собираюсь поселиться в городе.

- В Сан-Хуане? – спросил лавочник, потому что других городов он не знал.

- Бери выше! В Тассоне! Хватит мне скитаться по горам да пустыням. Пора обзавестись семьей, воспитывать детишек и вообще – наслаждаться жизнью!

Дверца одного из дилижансов приоткрылась, и оттуда выглянула женщина.

- Сеньор Рибейра! Мы хотим пить! И незачем терять время! Я не хочу страдать от жары лишний час из-за того, что вы так любите своих родственников!

Рибейра нахмурился.

- Сантос! Разрази тебя гром, почему ты не напоил дам!

- Сначала лошадей… - начал оправдываться верный помощник, одновременно грозя кулаком своим подчиненным, которые уже ринулись к дилижансам, бережно неся кружки с водой.

- Видишь, друг мой, как трудно отказаться от старых привычек? – усмехнулся Рибейра. – Сижу тут, болтаю с тобой, как всегда. И совсем забыл про миссис Фраун. Я везу ее в Тассон. То есть охраняю. Сам знаешь, как опасно честному человеку показаться на наших дорогах…

- Сеньор Рибейра! – снова выглянула женщина. – Спросите у своих родственников насчет девушек!

Главарь бандитов принялся обтирать лицо платком, чтобы скрыть смущение. Местные жители еще никогда не видали, чтобы ему кто-то приказывал, тем более - женщина.

- Я и сам хотел спросить, - буркнул он. – У нас в дилижансе есть еще свободные места. Я захвачу с собой пару девчонок. Кого ты посоветуешь? Помню, у Рохаса подрастала красавица.

Неужели он хочет, чтобы она сгинула тут? Миссис Фраун с удовольствием поможет ей устроиться в приличный дом. Или вот, скажем, Мигель. У Мигеля целых шесть дочек…

- Восемь, - поправил лавочник.

- Восемь! Куда ему столько! От них все равно никакого толку. Пусть отправит одну в город! Сам же потом благодарить будет!

- У Рохаса старшая дочь сама уехала в Сан-Хуан. Пабло двух отправил к младшему брату. Тоже в Сан-Хуан. В Тассон никто из наших не ездил. Не знаю, согласится ли кто-нибудь отпустить дочь так далеко.

- Да это же город! Ты понимаешь? Город! Не так и далеко, между прочим, всего два дня пути. Миссис Фраун за ними присмотрит, бояться нечего. Ну, к кому пойдем, к Мигелю?

Лавочник задумался. В прошлом году вербовщик из Аризоны зазывал мужчин на прокладку дороги. Обещал, что они будут работать всего восемь часов в день, что им предоставят жилье и бесплатное питание, что командовать ими будут не *англос*, а мексиканские десятники, и что через месяц они вернутся в деревню с кучей денег и мешком подарков. Однако мужчины в деревне работали от зари до зари, и не могли оставить свои семьи даже на пару дней, не то что на месяц. А девушки – совсем другое дело…

- Надо спросить у людей, - ответил лавочник.

- Вот и спроси, пока они все здесь.

И действительно, почти все жители деревни уже собрались тут, на маленькой площади. Они с любопытством разглядывали дилижансы, за окнами которых иногда показывались чьи-то лица.

Лавочник вышел на крыльцо и обратился к народу:

- Земляки! Дон Хосе предлагает нам свою помощь. Он едет в город. В настоящий город, в Тассон. Там большие дома, много домов. Там железная дорога. И там не хватает людей. Поэтому в городе платят большие деньги за работу. Большие деньги…

Он увидел, что все смотрят в другую сторону. И тоже перевел туда взгляд.

На подножке дилижанса стояла пышнотелая светловолосая дама в дорогом платье. Она обворожительно улыбнулась и заговорила по-испански не хуже Рибейры:

- Мы проехали шесть деревень, ваша седьмая. И нигде мне не требовалось уговаривать. Наоборот, люди сами подходили к нам, и девушки плакали, когда мы отказывали им. Конечно, любой бы хотел получать целых два доллара в неделю, живя в хорошем доме на полном обеспечении. А когда люди слышат про аванс, они просто с ума сходят от счастья. Что? Не верите? Вот деньги! – Она звонко встряхнула кошельком. – Девушка, которую я возьму с собой, будет служить в приличной семье. Ее заработок за первый месяц составит восемь долларов. Из них пять я отдаю прямо сейчас ее родственникам.

- Сколько?

- Пять! Пять долларов сразу.

Крестьяне переглядывались и с недоумением повторяли: «Пять долларов?»

Они никогда не видели столько денег сразу. Пять куриц или пять мешков муки – с такими ценами им чаще приходилось иметь дело.

- Эй, Педро! – крикнул кто-то. – Что в твоей лавке стоит пять долларов?

- У меня нет такого товара, - признался лавочник.

- Но что ты скажешь нам? Ты бы отправил свою дочку в город за такие деньги?

Теперь взгляды всех крестьян снова устремились к лавочнику.

Так уж была устроена жизнь в этой деревне, что главным тут был хозяин лавки. Когда-то в его каменном доме жил староста, и в те давние времена решающее слово было за ними. Но староста умер, а нового никто не назначил. Несколько раз в году заглядывал мимоходом какой-нибудь чиновник от губернатора, и сидел в лавке, пока солдаты ходили по дворам, собирая

налог. Но дорога через горы становилась все опаснее, и крестьяне привыкли обходиться без властей.

Они работали на общинной земле, урожай делили по количеству ртов в семье, а лавочник время от времени возил на ближайший рынок то, что они могли продать. Крестьяне были признательны ему за это, потому что никто из них не мог оторваться от своего хозяйства даже на день, а вылазка на рынок отняла бы не день, а неделю. Иногда лавочник на своих мулах добирался даже до города, и при удачной торговле возвращался оттуда с тканями, инструментами и другими товарами.

Он был для крестьян единственным источником городских новостей, которые потом целый месяц обсуждались каждый вечер в его лавке за кружечкой пульке. Он знал, что творилось в городе, он видел мир за пределами долины. Неудивительно, что его слово так много значило для них.

- Если бы Господь наградил меня единственной дочкой, я бы отправил ее в город, - сказал лавочник.

Рибейра одобрительно хлопнул его по плечу.

- Жаль, что у тебя нет дочки. Может, отправишь жену?

3. Мистер Смит и мистер Смит, алхимики

Они вышли из вагона последними, дождавшись, пока все их попутчики разойдутся. Может быть, здесь и водились носильщики, но Кириллу с Ильей они на глаза не попались. Подхватив тяжелые чемоданы, друзья прошли мимо вагонов и, не доходя до вокзального здания, спустились с платформы по узкой лестнице.

Здесь стояли несколько фургонов. Если бы приезжим захотелось поехать в город, им следовало бы пройти немного дальше, туда, где на площади выстроилась целая шеренга более приличных экипажей.

Но Кирилл не собирался задерживаться в Тассоне.

- Кто-нибудь едет в Тирби? – обратился он к кучке бородачей, прятавшихся от зноя в тени единственного дерева.

- Может быть, - лениво ответили ему. – Только нескоро это случится. Нескоро, мистер.

Илья достал из кармана фляжку с виски и, откручивая пробку, тихо сказал по-русски:

- Я предупреждал, что одеваться надо попроще. С такими городскими хлыщами, как мы, никто не захочет иметь дело. Разве что ограбить попытаются.

Он отхлебнул, завинтил пробку и блаженно улыбнулся:

- Послушайте, джентльмены! Если среди вас есть настоящий ценитель скотча, он будет вознагражден так, что обратная дорога из Тирби покажется ему прогулкой по райскому саду. Но подчеркиваю – именно обратная дорога. Потому что свой приз он получит только тогда, когда доставит нас с мистером Смитом, а также наши чемоданы, прямехонько к офису медно-рудной компании. В качестве приза предлагается самая большая бутылка из моей коллекции, наполненная и закупоренная много лет назад в горах Шотландии. А в качестве гонорара будут выступать двадцать банкнот федерального казначейства номиналом в один доллар!

Его тирада не произвела впечатления на слушателей.

- Двадцать баксов до Тирби? – переспросил босоногий джентльмен в дырявой соломенной шляпе. – Накинь десятку, подброшу до Тумбстона. А оттуда двадцать пять миль, и попутчиков хоть отбавляй.

- Да, мистер. Истинно так, - добавил его сосед, и для убедительности пошевелил пальцами ног, глядевшими из дыры в сапоге.

Двое молодых мексиканцев в белых домотканых одеждах, сидевшие поодаль в тени фургона, переглянулись и стали что-то бурно обсуждать. Однако они явно не были владельцами фургона, под которым сидели, поэтому не было смысла обращаться за помощью к ним. Такие парни обычно путешествуют на двуколке, запряженной парой мулов. Наверно, приехали в город поторговать, и наверно, двуколка с товаром сейчас стоит где-то возле рынка, и наверно, с нее кто-то постарше сейчас продает хворост, или коровьи лепешки – а что еще могли привезти в город нищие мексиканцы? Кирилл предпочел бы иметь попутчиками именно их, но его не радовала перспектива тащиться два, а то и три дня по пустыне в допотопной арбе.

Посещение Тумбстона не входило в его планы. Кирилл был там всего полгода назад. После налета на один из местных банков отход получился довольно шумным, и многие жители, участвовавшие в погоне, наверняка запомнили и его, и Илью. Он по себе знал, как хорошо запоминаются те, в кого целишься.

Кирилл огляделся, и среди заведений на станционной площади увидел то, с которого и следовало начинать. Все вопросы можно решить в салуне. Правда, ему не хотелось лишний раз показываться на людях. Род занятий, которым он зарабатывал на хлеб, требовал скромности.

Как только их чемоданы тяжело опустились на замызганный пол салуна, взгляды всех, кто сидел у стойки, устремились к пришельцам. Илья белоснежным платком смахнул крошки

с ближайшего столика, затем протер сиденья и спинки стульев, после чего скомкал платок и метко запустил его в урну.

- Присаживайтесь, мистер Смит, - он подвинул стул Кириллу, но сам не стал садиться, а направился к стойке.

Он распахнул сюртук, чтобы достать монету из жилетного кармана. При этом стала видна кобура на поясе, и Кирилл заметил, что вид серебряной рукоятки кольта несколько изменил выражение лиц зрителей. Двое даже подвинулись, чтобы столь важная персона могла свободно подступиться к бармену.

Илья щелкнул монетой по стойке:

- Принесите нам два стакана воды. Вода должна быть холодной, а стаканы чистыми. Затем подайте две маленькие чашки кофе. Не в кофейнике, а именно в двух маленьких чашках. После кофе нам бы хотелось получить колоду карт. А все, что потребуется потом, будет оплачено отдельно.

- Если вы насчет того, чтобы переночевать, то на втором этаже есть свободный номер, - прорычал бармен, придав голосу интонацию, которую он считал вежливой. И добавил: - Отличный номер. Сэр.

- К сожалению, не можем воспользоваться вашим предложением, любезный. Мы с мистером Смитом ужасно торопимся. И мы будем крайне признательны, если вы найдете время рассказать нам о самом быстром способе, чтобы попасть в Тирби.

- Самый быстрый способ? Дождитесь дилижанса на Тумбстон. Он отправится завтра с утра. Если придет сегодня вечером. А с утра отправится обратно. И если доберется до Тумбстона, то вам останется только двадцать пять миль до Тирби. Это самый быстрый способ.

- А если дилижанс не придет?

- Значит, его остановили апачи.

- И что тогда?

- Тогда дорожный агент вызовет кавалерию. Вояки найдут то, что осталось от пассажиров. И примерно через день на линию выйдет новый дилижанс. Да вы не беспокойтесь. Номер наверху – отличный, с двумя кроватями, с умывальником, на окне сетка от комаров, белье чистое. Не пожалеете. Живите сколько понадобится, пока не сможете уехать. Для приличного гостя у нас все условия. В Тирби вы такого не найдете.

Илья вернулся за столик и тихо сказал:

- Ты слышал? В Тирби мы такого не найдем.

- Значит, найдем что-то другое, - ответил Кирилл. - Посидим еще немного. Потом отнесешь вещи в номер, и будешь ждать меня.

- А ты?

- Поищу другие способы. Не такие быстрые.

Он вернулся к привокзальной стоянке фургонов. Возчики все так же дремали под тополем, их лошади все так же жарились под солнцем, а мексиканцы продолжали спорить, правда, уже вполголоса – жара действовала и на них.

Кирилл подсел к ним, и они замолчали, повернув к нему свои кирпично-красные скуластые физиономии. «Совсем мальчишки, - подумал он. – Ну, точно. Приехали с отцом. Он на рынке, а они ждут его здесь». Он достал кисет с сигарами и сказал по-испански:

- Хороший табак растет только за Рио-Гранде. Угощайтесь.

- Мы не курим, - быстро ответил тот, что был постарше.

- Есть работа, - сказал он, чиркнув спичкой по рукаву и прикуривая. – На час, не больше. Плачу доллар.

- Мы вместе, - сказал старший. – Я Мануэль, а это Рикардо. Доллар за час работы? Это очень много, сеньор.

- Зовите меня Крисом. Я тут человек новый, здешних порядков не знаю. Но я привык хорошо платить за хорошую работу. Вы проводите меня туда, где можно купить фургон и лошадей. И подскажете, какие тут цены, чтобы меня не обдурили местные ловкачи.

- А потом?

- Получите доллар и вернетесь сюда. Думаю, мы справимся даже быстрее, чем за час.

Они встали одновременно с ним.

- Большая конюшня за почтой, - сказал Мануэль. – Где останавливаются дилижансы. Там можно купить то, что вам нужно. Но это очень дорого, сеньор Крис. Только одна лошадь обойдется вам в шестьдесят или даже семьдесят долларов. А вам их нужно две…

- Четыре, - сказал Кирилл. – Ты разбираешься в лошадях?

- Рико разбирается, - Мануэль подтолкнул вперед своего молчаливого друга. – Он разбирается в лошадях, и хорошо знает пустыню. Если вы будете искать проводника, то не найдете здесь никого лучше, чем Рико.

- А ты? – спросил Кирилл. – В чем ты силен?

- Не знаю, сеньор. Я простой крестьянин, а Рико работал ковбоем на ранчо.

- Вы братья?

Мексиканцы посмотрели друг на друга, будто сравнивали портрет с оригиналом.

- Нет, сеньор. Но мы могли бы стать родственниками, если бы Рико женился на моей сестре, Луисите.

- Еще станем, - угрюмо сказал Рико. – Идемте, сеньор, а то все хорошие лошади уплывут в чужие руки.

Шагая по улочкам города, Кирилл замечал, что на них оглядываются. Прохожие явно недоумевали - что общего может быть у босоногих оборванцев и этого приличного джентльмена? Тассон когда-то был столицей Аризоны, совсем недолго, но и этих лет хватило, чтобы его жители обрели столичный снобизм.

И цены тут были просто заоблачные. Переходя от одного продавца к другому, Кирилл жалел, что не взял с собой Остермана. Тот умел и любил торговаться. Уж он бы душу вынул из этих живодеров, и выиграл бы не менее сотни долларов. А Кириллу пришлось выложить полтысячи за фургон с четверкой приличных меринов.

Но зато они справились с этим делом за час. Кирилл дал мексиканцам по доллару, и Мануэль сокрушенно покачал головой:

- Не знаю, сеньор, не знаю…. Не грех ли, брать такие деньги ни за что? Сказать по правде, нам-то сейчас деньжата нужны позарез, но все-таки нехорошо. Мы ничего такого не сделали, просто проводили до рынка. Дали бы десять центов…. Получается, что мы вроде как обворовали вас…

- Погоди каяться. Тебя когда-нибудь обманывали при расчете?

- И не раз, сеньор.

- Вот и считай, что я возвращаю тебе чужие долги.

- Когда вы отправляетесь в Тирби? – спросил Рико.

- Чем раньше, тем лучше.

- Тогда возьмите назад свои деньги. А вместо этого позвольте нам поехать с вами. Я покажу дорогу.

- Через Тумбстон?

- Нет. В пустыне много дорог. Позвольте нам поехать с вами, сеньор Крис.

- Мне надо посоветоваться с компаньоном, - сказал Кирилл. – На всякий случай будьте готовы выехать через час. Собирайте вещи.

- Вещи? – они невесело рассмеялись и подняли с земли свои полосатые котомки. – Все наши вещи при нас, сеньор.

Оставив мексиканцев готовить фургон к поездке, Кирилл вернулся в салун. Он рассчитывал застать Илью в номере, возможно, даже в ванне – Остерман до сих пор не избавился от нью-йоркских привычек и мылся при каждом удобном и неудобном случае. «Да, Илюха, скорее всего, уже настроился тут пожить какое-то время, - думал Кирилл, - и понадобится привести ему целую кучу причин, по которым мы не можем остаться здесь ночевать. Да что там ночевать – у нас и на обед не остается времени» …

Однако Илья все еще сидел за тем же самым столиком, что и час назад. Только чемоданы переставил поближе к себе.

Сидел он не один. Напротив него расположился благообразный господин в белом костюме, из-под которого сиял черный шелковый жилет. Господину было лет сорок, он был бледен, но на скулах его играл нездоровый румянец. Он держал в руках карты и смотрел на них так внимательно, будто видел впервые в жизни.

- Пас, - сказал он, наконец, бросая карты на стол.

Илья с довольной улыбкой сгреб кучку монет и повернулся к Кириллу:

- Мистер Смит, позвольте представить вам мистера Кардосо, лучшего игрока в покер, какого я когда-либо встречал.

- Судя по результатам, с этим трудно согласиться, - благодушно заметил Кардосо.

- Я не о результатах. Игра есть игра, кто-то побеждает, кто-то должен уступить. Но это неважно. Важен стиль! Высокий академический стиль. И вы им владеете в совершенстве.

Кардосо с обескураженной улыбкой развел руками, и Кирилл увидел у него над поясом пустую кобуру.

Сделанная из тонкой, но плотной кожи, она каждым своим изгибом, каждой выпуклостью или впадинкой повторяла форму отсутствующего короткоствольного револьвера. Могло показаться даже, что сейчас она не пуста, просто револьвер в ней – прозрачный. Кобура лоснилась внутри от частого соприкосновения с металлом. Она висела на тонком ремне, который уходил под плечо сюртука. На ней не было никаких клапанов или предохранительных ремешков для фиксации оружия. Такая кобура удерживала в себе револьвер просто за счет своей формы и особой цепкости кожи. Незаменимая вещь в заведениях, где не приветствуется открытое ношение оружие.

- Могу я узнать, в каких краях умеют делать такие интересные детали туалета? – спросил Кирилл, похлопав себя по животу в том месте, где у Кардосо была спрятана кобура.

- Рисака, Джорджия. Мастер Нэйл. Могу дать рекомендательное письмо, если надумаете к нему обращаться.

- Давно я не был в Джорджии, лет двадцать пять, - сказал Илья. – Конская кожа, как я понимаю. А почему черная, а не рыжая, вот как у меня, например,?

- У вас она уже не совсем рыжая, а, скорее, пятнистая, - деликатно ответил Кардосо. - Металл пачкает кожу. А если покрасить ее заранее в черный цвет, то это незаметно.

- А черная кобура на черном жилете выглядит особенно изысканно и строго, - иронично продолжил Кирилл.

- Это тоже важно.

- Теперь и я начинаю понимать, что значит академический стиль. Но позвольте спросить. Это форма, а где же содержание?

Кардосо запустил два пальца в кобуру и вытянул оттуда конфетку.

- Хотите? Дело в том, что я обычно не сажусь за карты, имея при себе оружие. Партнеры бывают разные. А игра между двумя вооруженными мужчинами может закончиться пальбой.

- Он и меня уговорил спрятать кольт подальше, - засмеялся Илья. – Знаешь, это очень возбуждает. Первые несколько минут чувствуешь себя так, будто вышел на Бродвей без штанов. А потом ничего, привык. Даже понравилось.

- Это заметно, - усмехнулся Кирилл. - Мне очень жаль, мистер Кардосо, но я вынужден прервать вашу игру. Нам пора ехать.

- То есть? – Илья разочарованно вздохнул. – Кто-то повезет нас в Тирби?

- Сами поедем. – Кирилл поднял чемоданы. – На тебе - закупки продовольствия и воды. Бери с запасом на три дня. Наш фургон стоит в конце улицы. Ты легко его узнаешь: парусиновый верх с двумя черными заплатами справа. Лошади гнедые. Загружайся и жди меня, а я загляну на почту. Да, совсем забыл. У нас двое попутчиков. Мексиканцы. Будешь практиковаться с ними в испанском.

Он отправил телеграмму в Тирби, на имя Кристофера Смита: «Заказ получен. Сообщите сроки и объемы поставок». Здесь же, на почте, накупил целую пачку газет – несколько номеров местного «Гражданина» и все сохранившиеся выпуски «Эпитафии», выходившей в Тумбстоне. Его интересовали любые сообщения, связанные с Тирби. Бегло просмотрев газеты, он не нашел ничего, кроме котировок акций меднорудной компании. Оставалось надеяться, что при внимательном изучении удастся найти более важную информацию.

Команда Энди Брикса никогда не шла на дело без долгой и тщательной подготовки. А с разведкой никто не справлялся лучше, чем Кирилл и Илья. Иногда после длительного наблюдения оба приходили к выводу, что игра не стоит свеч. И если они говорили «нет», то с ними никто не спорил. Если же они были уверены, что делом стоит заняться, то отправляли весточку для Энди, и тот начинал собирать ребят.

Сейчас все они жили порознь. Эд Коннорс купил ранчо в Колорадо, Дик Руби и Сэм Джексон открыли оружейный магазин в Техасе, на границе с Индейской территорией, а по другую сторону границы обосновались остальные члены команды. У каждого было какое-то дело, был и свой дом, и только Кирилл с Ильей так и не смогли осесть на одном месте. Они скитались из города в город, нигде не задерживаясь больше чем на неделю. Но назвать их праздными путешественниками мог только тот, кто не знал об их прошлом.

Три года назад они бежали из-под суда, и все эти три года на них шла охота. Однако друзья вовсе не чувствовали себя дичью, не страдали бессонницей и не оглядывались затравленно, как загнанные волки. Оказавшись вне закона, они были вынуждены зарабатывать на жизнь незаконными способами, а это занятие не оставляет места для лишних эмоций.

Скорее, они сами могли считать себя охотниками. Добытчиками. Их добыча не паслась на равнинах и не шныряла по лесу, нет, она дремала себе спокойно в банковских сейфах. Дремала, но только до поры до времени, не подозревая, что двое беглых иммигрантов уже вышли на ее след, уже обкладывают, и уже прицеливаются….

Впрочем, на этот раз их можно было назвать не только охотниками, но и алхимиками. Они собирались превратить в золото медную руду.

Там, в Тирби, на мексиканской границе, бурно развивалась добыча меди. Огромный рудник стягивал к себе не только тысячи рабочих рук, но и сотни торгашей, сутенеров, аферистов. Игорные дома, кабаки и бордели процветали ничуть не хуже, чем меднорудная компания. И Кириллу с Ильей надо было выяснить – какая из этих целей может заставить команду Энди Брикса снова собраться на дело.

4. Перевал

Фургон свернул с накатанной дороги, ведущей на Тумбстон, и покатил вдоль мелкой речки, направляясь к горам, которые полукольцом окружали город с юга.

- Остановимся за перевалом, - сказал Рико. – Есть там хорошее место. Деревья, вода. Дадим отдых лошадкам, и сами отдохнем. Дальше начинается пустыня, и мы переждем зной. Поедем ночью. К рассвету будем в Сьерра-Виста.

- А дальше? – спросил Кирилл.

- Там видно будет. Из форта Хуачука в пустыню уходят патрули, и мы посмотрим на их численность и вооружение. Если вышла пятерка во главе с сержантом, то мы поедем днем. Если отправится эскадрон с офицерами и пушкой, то мы снова дождемся ночи.

Илья недовольно спросил, роясь в открытом чемодане:

- Насколько я понял, в Тирби мы сегодня не попадем, так?

- Какая разница? – Кирилл стянул сорочку, чтобы надеть походную черную рубашку. – Днем раньше, днем позже – лишь бы доехать.

Мануэль с простодушным любопытством смотрел, как они переодеваются. Но когда его взгляд упал на то, что скрывалось в чемодане под одеждой, мексиканец ахнул:

- Дева Мария! Сколько же у вас оружия!

- Ровно столько, сколько нужно для путешествия по Аризоне, - спокойно ответил Кирилл, застегивая наплечную кобуру.

Рико, сидевший на козлах, тоже оглянулся и поцокал языком:

- Э, сеньор, в этих краях лучше иметь одного быстроногого скакуна, чем дюжину револьверов.

- Странно слышать это от ковбоя, - сказал Кирилл.

- Когда я работал на ранчо, у меня был только большой нож. Да и другие ребята не любили таскать бесполезные железяки. Что толку стрелять, если тебя окружат апачи? С кольтами у нас щеголяли одни белые парни. Вот и выходит, что на все ранчо у нас было три револьвера. Потому что из двух десятков ковбоев только трое были белыми. А негры, индейцы и мексиканцы не тратятся на такие безделушки.

- Только не говори, что ты и стрелять не умеешь.

- Не умею, - гордо признался Рико.

- Ну и что? – сказал Илья. – Я тоже не умею. Меня вообще тошнит от порохового дыма.

- И в седле тебя укачивает, - добавил Кирилл. – Поэтому ты и занимаешься всякой ерундой, а не гарцуешь по прерии, спасая прекрасных блондинок от кровожадных ирокезов.

- У нас тут нет ирокезов, - сказал Мануэль.

- А блондинки? – поинтересовался Илья.

- Видел одну в прошлом месяце. А ирокезы живут в Оклахоме. Там сейчас все живут – чокто, чероки, семинолы. Всех туда переселили. А у нас только апачи. Ну, и хопи, само собой. Они тут коренные. Только их и за индейцев никто не считает. Они такие же, как мы. Так же одеваются, и кукурузу растят, как мы, и хлеб пекут такой же. А вот апачи как были дикарями, так и остались.

- А это кто, по-твоему? – спросил Илья, показывая на фигурку одинокого всадника, светлым пятном застывшую на фоне рыже-зеленого склона.

- Это сумасшедший, - сказал Рико. – Человек в здравом уме не будет разъезжать по горам на белой лошади и в белой одежде.

Дорога незаметно становилась все круче, и кони сбавляли ход. Позади остались тенистые прибрежные рощи, и теперь фургон неспешно катил по косогору среди редких кустов, цепко

укоренившихся в глинистом склоне. Всадник на белой лошади двигался еще медленнее, судя по тому, что фургон постепенно нагонял его.

На гребне перевала возвышалось одинокое сухое дерево. Его мощные сучья выглядели иероглифом на фоне белесого неба. Всадник остановился под ним, явно поджидая фургон.

Подъехав ближе, Кирилл узнал в нем недавнего партнера Ильи по покеру.

- Мистер Кардосо! – Остерман высунулся из-под тента, приподнимая шляпу. – Как зовут вашу лошадку? Случайно, не Пегас? Куда она спрятала крылья, на которых смогла перелететь сюда и обогнать нас?

- Никаких крыльев, просто я выехал чуть раньше вас. А как ее зовут, не знаю, забыл спросить, - Кардосо похлопал кобылу по шее. – Эту красавицу я выиграл в карты. Мог бы назвать ее «Дамой пик», только зачем? Все равно я продам ее при первой же возможности. Если не проиграю еще раньше.

- Похоже, вы довольно много времени посвящаете картам, - сказал Кирилл.

- Не больше, чем нужно, чтобы не умереть с голоду. Кажется, нам по дороге?

- Если вы направляетесь в Сьерра Виста.

- Я еду в Тирби, как и вы. Но не ожидал, что вы отправитесь через горы. Что ж, у меня появляется прекрасная возможность отыграться на первом же привале. Я предлагаю переждать зной внизу, у ручья. А дальше тронемся на закате.

- Это полностью совпадает с нашими планами, - сказал Илья. – Вы, наверно, так же хорошо знаете эту местность, как наши проводники?

- Не думаю. Я тут впервые. Но пустыня – везде пустыня. Что в Аризоне, что в Неваде.

Кардосо поехал рядом, и Кирилл заметил, что этот легкомысленный странник не будет обузой в дальнем переходе.

Безупречный костюм; манжеты сорочки, острые, как бритва; серебряные запонки и желтые высокие сапоги тонкой кожи – все это как-то странно сочеталось с двумя потертыми флягами, скатанным одеялом за седлом и с прикладом «шарпса», который выглядывал с одного бока лошади, а на другом боку в чехле покоился винчестер.

В седле Кардосо держался, чуть откинувшись назад, а не прямо, как в Техасе или Вайоминге. Это могло говорить о том, что он учился верховой езде в Калифорнии. Но гораздо больше Кирилл узнал о своем новом спутнике, разглядев его оружие.

Итак, две винтовки, дальнобойная и скорострельная, свидетельствовали об основательности характера. А также о хорошем знании того, насколько разнообразна и непредсказуема жизнь путешествующего по Западу. Кирилл помнил и про его короткоствольный кольт в кобуре под жилетом. Но, бросив мимолетный взгляд на спину Кардосо, он заметил под натянутым сукном сюртука очертания второго «малыша», наверняка спрятанного в такой же изысканной кобуре. «Запасливый, - подумал Кирилл. - Раньше я тоже иногда таскал кольт за спиной, просто за поясом. При быстрой езде он натирал задницу кончиком ствола. Буду в Джорджии, закажу себе у мастера Нэйла такую же кобуру. Если заработаю на нее в Тирби».

В седельной кобуре мистер Кардосо держал более солидный инструмент, наверняка тоже полученный им в качестве выигрыша, как и белоснежная арабская кобыла. Кирилл сомневался, что карточный игрок стал бы покупать «смит-вессон» 44-го калибра с восьмидюймовым стволом. Скорее всего, он выиграл эту здоровенную пушку у охотника на бизонов, после того, как тот отдал ему все свои деньги и шкуры.

«Во всяком случае, с появлением Кардосо наша огневая мощь выросла почти вдвое, - рассудил Кирилл. – Теперь главное, чтоб они с Илюхой не слишком увлекались игрой. А то придем в Тирби пешком и без штанов».

Однако, спустившись с перевала и остановившись в тени небольшой рощи возле ручья, Кардосо даже не вспомнил о покере. Он вытряхнул сюртук и аккуратно повесил его на самую чистую ветку, стянул сапоги, раскатал одеяло под кустом и объявил:

- Полагаю, нам с Рико не помешает немного вздремнуть. Все остальные могут это сделать ночью, когда мы с ним будем бодрствовать и прокладывать путь во мраке. Возражений нет? В таком случае у вас, джентльмены, есть несколько часов на уход за лошадьми, чистку оружия и другие богоугодные дела.

Всех немного озадачили неожиданные командирские нотки в голосе беззаботного картежника. Но возражать было поздно - Кардосо уже зевнул, повалился на одеяло и накрыл лицо шляпой.

Рико устроился спать в фургоне, а Кирилл занялся лошадьми. Распрягать не стал – кто знает, не придется ли в следующую минуту срываться с места? Обтер вспотевшие бока, по очереди напоил водой из ведра, и бросил под ноги охапку молодой кукурузы, которой они запаслись в Тассоне.

Вернувшись к костру, над которым висел кофейник, Кирилл застал окончание рассказа Мануэля о несчастной любви его приятеля.

- …Он был готов бросить моему отцу в лицо эти несчастные пять долларов! Но что толку? Никто не виноват, что Рико вернулся слишком поздно. Если бы его отпустили с ранчо хотя бы неделей раньше! Если бы он знал, что Луиситу могут увезти в город! Отец и сам не рад. Говорит, ум помрачился, как только у него перед носом заблестели пять серебряных монет.

- Представляешь, Кира? – Остерман приподнял крышку кофейника, проверяя, не закипела ли вода. – Ездит по деревням ушлая тетка на дилижансе, скупает девчонок. По пять баксов за голову. И сбывает их в городе. То есть устраивает прислугой в хорошие дома. Интересно, сколько она имеет с каждой служанки?

- В Тирби есть хорошие дома? – рассеянно спросил Кирилл, и тут же, заметив выразительный взгляд Ильи, добавил: - Да их там, наверно, уже больше, чем в Тассоне.

- Вот и я так говорю, а Рико не верит, - подхватил Мануэль. – Поначалу-то договаривались, что Луисита устроится в Тассоне. Мы приезжаем, а нам говорят, что эта самая миссис Фраун увезла девушек в Тирби. Рико аж почернел. А я ему говорю, что в Тирби народ побогаче, там и прислуга больше зарабатывает. Только ему все равно. Хочет он ее забрать оттуда обратно в деревню, и все тут.

- Вам понадобится немного больше, чем пять долларов, - сказал Остерман. – Вы вернете аванс, но ваша миссис Фраун заявит, что потратилась на дорогу и корм, и еще какие-то издержки понесла. В общем, начнет гнать волну. В принципе, добавить ей пару долларов будет справедливо. Только она на этом не остановится, и будет упираться. Однако закон на вашей стороне, амигос. Она сказала твоему отцу, что устроит его дочь в Тассоне, так? А сама увезла ее черт знает куда. Таким образом, нарушены условия контракта. Следовательно, вы можете его спокойно расторгнуть. Так гласит закон.

- Закон? Да разве законы пишут для бедняков? А если она нас и слушать не станет? – уныло спросил Мануэль. – Кто мы такие?

- Слушать не станет? Тогда найдите меня, я ей все растолкую.

Кирилл всегда немного завидовал той легкости, с какой Илья Остерман сходился с людьми. С любыми – хоть с сенаторами, хоть с нищими мексиканцами. Он мог говорить с ними на любые темы, и мог ответить на любой вопрос. Неважно, верным ли был этот ответ. Важно, что звучал он уверенно и солидно.

Сейчас Кирилл и сам ненадолго поверил, что сестра Мануэля получила работу в богатом доме, и что ее удастся оттуда забрать, и что два босоногих парня из деревушки, затерянной среди гор, смогут выиграть юридический спор. Голос Ильи, его уверенные манеры и безупречная логика - все это волшебным образом действовало на его слушателей. Они начинали верить в собственные силы, в торжество Закона и справедливости…

«Э, нет, - подумал Кирилл. – Закон – это одно, а справедливость – совсем другое. Бедная Луисита скорее всего, уже продана в палаточный бордель на окраине шахтерского поселка. И

Мануэлю с Рико понадобится не пять, а пятьсот долларов, чтоб ее оттуда выдернуть. Где они их возьмут? Станут воровать. Попадутся. И в их деревушке станет на трех жителей меньше…»

Остерман разлил кофе по кружкам. Кирилл вдохнул ароматный дымок и зажмурился от удовольствия. Открыв глаза, он увидел, что все лошади смотрят в одну сторону. Он тоже скосил глаза к дороге, по которой они сюда приехали – и увидел, что над деревьями поднимается пыль.

Кто-то спускался с перевала. Верхом. Несколько всадников.

Он поставил кружку на траву и встал.

- Ты куда? – насторожился Илья.

- Едет кто-то. Приготовься.

Кирилл взял под уздцы белую кобылу Кардосо и повел ее подальше от дороги, в глубину рощи. Ему вдруг пришло в голову, что на карточных игроков иногда тоже охотятся. Может быть, приемы Кардосо не столь безупречны, как стиль? Тогда понятно его стремление обзавестись попутчиками…

Но Кирилл ошибся. Да, это была погоня, вот только гнались не за белой арабкой.

Четверо всадников высыпали из-за поворота и остановились возле фургона.

- Да, это они! – радостно крикнул один.

- Не дергаться! – рявкнул другой, и четыре револьвера нацелились на Илью и Мануэля, сидевших у костра. – Пушки на землю!

- Что вы, сэр, о каких пушках идет речь? – испуганно промямлил Остерман. – Мы мирные торговцы, продаем лекарства, амулеты и душеспасительные брошюры. Какие могут быть пушки?

- А что у тебя на поясе? Душеспасительная брошюра Кольта? На землю ствол, повторять не буду!

Илья бережно, двумя пальцами, вытянул револьвер из кобуры и положил на траву.

- А теперь кошелек!

- Пожалуйста, пожалуйста, только не стреляйте!

Бумажник Остермана упал рядом с револьвером.

«Молодец, Илюха, - подумал Кирилл, бесшумно взводя курок. – Пусть теперь кто-нибудь из них спешится и подойдет. Черт возьми, а ведь им незачем это делать самим».

- Эй, амиго! – налетчик поманил к себе Мануэля. – Подай-ка мне его добро. А потом вытащи все его шмотки из фургона. Да не надорвись. У тех, кто может отвалить полтыщи, не торгуясь, обычно ужасно тяжелый багаж!

Бандиты заржали, но один из них, самый щуплый, вдруг сказал:

- Парни, да я, вроде, не этого видел у конюшни. Тот был без усов. Это, вроде, другой…

- Все верно, другой, - громко сказал Кирилл, выглянув из-за толстого бука.

Если бы налетчик не проявил наблюдательность, Кириллу пришлось бы свистнуть, или захрустеть ветками, или еще как-нибудь отвлечь их на себя. Ему было нужно, чтобы все они повернулись к нему.

И они повернулись.

Он давно уже взял на мушку того, кто казался ему самым опасным – сутулого и хмурого, в выгоревшей кавалерийской куртке. Этот бросил поводья и держал кольт двумя руками, целясь в голову Илье. На лбу его блестел пот, он все время облизывал губы – видно было, что он слишком напряжен, и может нажать на спуск в любую секунду. Очень хорошо, что у Кирилла появился повод заговорить. Охотник часто стреляет на шум, на хруст ветки, но почти никогда – на человеческий голос.

Все четыре ствола теперь смотрели на Кирилла. Он выстрелил в сутулого, затем в его соседа – и укрылся за буком. Два выстрела грохнули в ответ. Кирилл припал на одно колено и показался с другой стороны дерева, чтобы уложить оставшихся. Но из кустов рявкнул кольт,

еще раз – и все было кончено. Трое бандитов валялись под ногами лошадей, последний застрял в седле. Он медленно сползал, цепляясь за гриву лошади, и заливая кровью ее шею. Лошадь нетерпеливо мотнула головой, взбрыкнула, и избавилась от седока, который кулем свалился наземь.

- А почему вы не воспользовались моим винчестером, мистер Смит? – раздался из кустов голос Кардосо.

- Не был уверен, что он заряжен.

- Неужели я похож на человека, который ездит с незаряженными винтовками?

Кирилл вышел из-за бука и похлопал его по коре, словно доброго коня. Ему было приятно, что ни одна пуля не угодила в дерево.

- Дева Мария! – причитал Мануэль, застыв с бумажником и револьвером Ильи. – Матерь Божья, молись за нас ныне и в час смерти нашей…

- Помолись лучше за этих, - сказал ему Илья. – Да расцепи ты пальцы! Ну и хватка у тебя!

Кирилл вернулся к костру и поднял свою кружку. Кофе немного остыл, но он и не любил пить слишком горячий.

5. Пустыня

Первые пять лет своей жизни в Америке Илья Остерман провел в Нью-Йорке. Он считал себя чистокровным горожанином. Однако стоило ему подняться на борт парома или сесть в лодку, как что-то неведомое просыпалось в душе и гнало прочь из города. Хотелось, чтобы паром не остановился у причала Лонг-Айленда, а пошел дальше, еще дальше, и вышел в открытое море. А еще его тревожили паровозные гудки. Казалось, они звучат именно для него, зовут куда-то – но куда? В другие города? Они ничем не лучше Нью-Йорка. А иной жизни, кроме как в каменном мешке, он себе уже не представлял. Он думал, что не сможет обойтись без таких мелочей, как водопровод или уличное освещение, без прачечных и парикмахерских. А если бы вдруг оказался где-то на природе, то наверняка заблудился бы, потому что привык ориентироваться лишь по номерам домов и вывескам.

Покинув Нью-Йорк, он неожиданно обнаружил, что вполне приспособлен для жизни под открытым небом. В лесах или среди скал Илья чувствовал себя так же свободно, как в лабиринте Чайна-тауна. Но больше всего он полюбил пустыню. Впервые увидев бесконечные пески, Остерман испытал ветхозаветный трепет. Он сначала ощутил себя Иосифом, которого коварные братья бросили подыхать среди барханов, а потом – Моисеем, ведущим народ свой к земле обетованной. Впрочем, на месте Моисея Илья не стал бы возиться сорок лет с этим маршрутом. Он вел бы колонну по ночам, когда не так жарко, и когда можно прокладывать путь по звездам.

Тот, кто называет пустыню мертвой, безжизненной, никогда не видел, как она оживает после захода солнца. Куда-то исчезает пыль, весь день закрывавшая горизонт своим полупрозрачным занавесом, и воздух понемногу заполняется новыми звуками – это просыпаются невидимые насекомые. Илья не знал, как их назвать, да и не видел никогда. Наверно, что-то вроде сверчков. И вот они начинают скрипеть, трещать, повизгивать, и под этот аккомпанемент над голыми горами разливается серебристое сияние. Еще минута полной темноты – и восходит луна. Пустыню заливает холодный свет, и черные длинные тени протягиваются со всех сторон.

А над головой уже наклонился знакомый ковшик Большой Медведицы, и, значит, вон там север, там запад, а нам – сюда.

Из лошадей, которые достались после стычки на перевале, Илья выбрал самую смирную кобылу. Он ехал позади фургона, рядом с Кардосо. Тот зевал и кутался в пончо.

- Вам холодно? – спросил Илья.

- Понимаю, что это выглядит странно, но меня иногда знобит даже в жару.

- Ничего странного. Вам надо как-нибудь при случае обратиться к врачу. Я слышал, что от лихорадки помогает хинин.

- Возможно. Но я привык к другим медикаментам. - Кардосо достал фляжку в чехле, расшитом бисером. – Текила. Не желаете?

- Спасибо, у меня виски.

Они чокнулись фляжками. Из фургона послышался сонный голос Кирилла:

- Когда увидите на небе две луны, дайте знать.

Илья подмигнул Кардосо, и они чокнулись еще раз.

- Мой друг – поборник трезвости и целомудрия, - сказал Остерман. – Но я прощаю ему эти слабости, поскольку и сам несовершенен.

- Все мы не без греха.

Один глоток виски имеет удивительное свойство – он никогда не бывает один. Сразу за ним следует второй, и только после третьего можно продолжить беседу. И, хотя Илью клонило в сон, он не мог удержаться от расспросов.

- Помните о своих планах, Дэвид? Вы собирались взять реванш. Предлагаю сесть за первый же карточный стол, как только приедем в Тирби.

- Что ж, ради этого стоит задержаться. Хотя Тирби для меня промежуточная станция.

- Да? По-моему, дальше уже ничего нет, только мексиканская граница.

- Именно так.

Фургон остановился на вершине холма, и Рико спрыгнул на землю. В руках у него была лопата.

- Что случилось? – спросил Кардосо, подъехав к нему.

- Надо пометить место.

Мексиканец подошел к одинокому высокому кактусу, который чернел на фоне лилового звездного неба, как огромный трезубец – от центрального трубчатого столба слева и справа отходили еще два отростка, чуть пониже.

- Этот *сагуаро* поможет нам на обратной дороге, - сказал Рико и несколькими ударами лопаты срубил правый отросток. – Теперь я буду знать, с какой стороны его объезжать, чтобы попасть на перевал.

-Разумно, - одобрил Кардосо.

«Разумно-то оно разумно, - подумал Илья, - да только вряд ли мы поедем обратно этой же дорогой».

Он еще не знал, и не мог знать, какое дело предстоит им в Тирби. Возможно, будет лихой налет с пальбой и погоней. Или они подберутся к сейфу ночью, бесшумно вскроют его и испарятся, как призраки. А может быть, придется полежать в засаде на дороге, подстерегая транспорт с золотом. В конце концов, Кирилл может придумать вообще что-нибудь абсолютно новое – на то он и Кирилл. Но в любом случае команда Энди Брикса будет уходить из Тирби не той дорогой, по какой придет туда.

Они еще в поезде решили, что лучше всего было бы уйти на юг, к границе. Углубиться в Мексику и пробраться на восток по узким долинам среди гор. Затем пересечь Рио-Гранде, чтобы оказаться в Техасе. А там уже разбиться на двойки и тройки и, поделив добычу, разбежаться в разные стороны.

«Поедем в Джорджию, - подумал Илья. – На Юге я еще не был. Значит, Джорджия. Потом Флорида. А может быть, застрянем в Новом Орлеане. Кира говорил, там весело. Можно сесть на пароход и отправиться вверх по Миссисипи. А потом вниз. И кататься, пока не спустим все деньги».

- Лучше бы вам поспать, Билли, - сказал Кардосо. – До рассвета далеко, дорога спокойная. Хватит и двоих бодрствующих в конвое. А вот с рассветом нам придется всем быть настороже. Это земли апачей. Они никогда не нападают ночью. Но с первыми лучами солнца, я уверен, мы их увидим рядом с собой. И вот тогда мне бы не хотелось, чтобы у кого-то из стрелков слипались глаза.

- Мы рассчитывали к рассвету быть возле форта в Сьерра Виста.

- В пустыне невозможно следовать по расписанию. Так что ложитесь спать и держите винтовки наготове.

- Слушаюсь, господин полковник.

- Майор, - сухо поправил Кардосо.

- По сравнению со мной вы вообще генерал, - козырнул Илья.

Он забрался в фургон и устроился на боковой лавке, закутавшись в одеяло. Кирилл и Мануэль спали на полу, положив в изголовье чемоданы. Илья заметил, что между ними лежит винчестер. Ему было лень снова вставать, чтобы взять и себе одну из трофейных винтовок. «Обойдется, - подумал он. – На лавке и так тесно, а в обнимку с ружьем вообще не заснуть».

Засыпая, он слышал, как Кардосо проскакал вперед, потом вернулся и о чем-то долго говорил с Рико по-испански. Те слова, которые уловил его слух, не внушали тревоги. *Маньяна* – завтра. Или утро. *Пронто* – скоро. «Да, скоро утро», - подумал он и заснул.

Ему показалось, что буквально в следующую секунду кто-то толкнул его в бок.

- Держи винтовку, - Кирилл зевнул и сунул ему в руки винчестер. – Вот гады, не дали сон досмотреть.

- Что такое?

- Апачи.

Кирилл бесцеремонно стащил его на пол и, отстегнув крепления, поднял боковую лавку, чтобы нарастить борт фургона. Теперь, стоя на коленях, они были прикрыты от пуль и стрел, и сами могли стрелять, опирая ствол на поднятые скамейки. Осталось только закатать кверху тент, и Остерман принялся отвязывать тесемки, которыми тот крепился к дугам.

- А что тебе снилось? – полюбопытствовал он.

- Не поверишь: рыбалка на лимане. Тяну леску, на ней одни бычки. У всех кефаль, а у меня бычки. И мелкие, как кузнечики. Такая досада.

- Дурацкий сон. – Илья подвернул тент до середины дуги. – Так хватит? Или повыше?

- Сам смотри. Да, сон дурацкий, но я все ждал, что клюнет кефаль. А тут – апачи. Вот же гады.

Солнце еще не поднялось над горами, и пустыня была пепельно-серой под таким же серым небом, и только на востоке пылали нежно-розовым пламенем длинные перья облаков.

Фургон катился по руслу пересохшей реки. Низкие обрывистые берега были окаймлены редким кустарником. Илья посмотрел вперед, поверх головы Рико, и увидел, что дальше, справа над обрывом темнеют более густые заросли. «Хорошее место для засады, - подумал он. – Неужели майор этого не видит?» Белая кобыла Кардосо шла далеко впереди, шла ровно и плавно, будто боялась разбудить седока, который мерно раскачивался в седле, опустив голову.

Обернувшись, Илья увидел, что запасные лошади идут за фургоном на короткой сворке, и передняя почти упиралась мордой в задний борт, на котором болталось ведро.

Кирилл разложил на одеяле под ногами все револьверы и принялся делить оружие:

-Мануэль, держи вот этот кольт. Умеешь пользоваться?

- Что вы, сеньор Крис… - Бедняга перекрестился. – Уберите от меня подальше эту штуку, мне и смотреть-то на нее страшно.

- Это не штука, а шестизарядный револьвер Кольта. Будешь держать его двумя руками и нажимать вот на этот крючок. Не бойся, все твои пули улетят в небо, и никому не причинят вреда. Сиди вот здесь и целься вон в те горы.

Мексиканец послушно опустился на корточки и положил ствол на борт.

- «Ремингтон» я возьму себе, а два армейских «веблея» - твои. – Он подвинул револьверы к Илье. – Проверь, возможно, в них не хватает патронов. Когда начнется, я стреляю первым. Ты не лезь, жди, пока я расстреляю барабаны. Тогда вступишь, а я перезаряжаюсь.

- Да знаю, знаю, - Илья переломил «веблей» и вытряхнул чужие патроны. Распечатал пачку и зарядил свои. Так спокойнее. – Их уже кто-то видел?

- Кардосо.

- Я тоже видел, - оглянулся Рико. – Сначала двоих, потом троих. Все верховые, но с ними могут быть и пешие.

- Они всегда так выходят из стойбища, - сказал Мануэль, стараясь не смотреть на револьвер в руках. – Половина верхом, половина пешком. А возвращаются все верхом.

- Сегодня вернутся не все, - пообещал Илья.

- Ну-ну, не пугай народ, - сказал Кирилл. – Все обойдется. Вряд ли они нападут. Их слишком мало.

- Зато лошадей у нас слишком много, - проворчал Рико, натягивая вожжи. – Тише, тише, куда разогнались? Сеньор Крис, вроде вон там, за большой юккой, видите?

Илья посмотрел вперед, увидел причудливо изогнутое дерево с мохнатыми толстыми ветками. И никаких апачей.

- Останови, - попросил Кирилл. – Ага, вижу. Вот наглец. Думает, мы примем его за камень.

- Если видишь, почему не стреляешь? – ревниво спросил Илья.

- Зачем? Я же говорю, они побоятся напасть.

Белая кобыла тоже остановилась, не дойдя до опасных зарослей полсотни метров. Кардосо выпрямился в седле, потянулся – и поехал обратно к фургону.

- Постоим здесь, - сказал он. – Если мы их интересуем, пусть вылезут из кустов.

- Не хотите занять позицию в нашей крепости? – спросил Илья.

- Там и без меня тесно. Кроме того, они могут подумать, что я испугался.

- Неужели вы их не боитесь? У меня просто желудок сводит от страха, - признался Илья, улыбаясь. – Это же апачи! Вы видели, что они делают с трупами?

Кардосо пожал плечами.

- Это привычка всех диких воинов. В ней есть рациональное зерно. Мертвецы довольно спокойно относятся к расчленению, чего не скажешь о тех, кто остался в живых и наблюдает за процессом со стороны. Убив одного, апачи выводят из строя сразу десяток, потому что напуганный солдат – уже не солдат. Изуродованный труп – это психологическое оружие.

- Да нет, - сказал Кирилл. – Никакой психологии. Им просто нравится мучить людей. И еще они боятся, что убитый враг воскреснет и отомстит. Вот они и стараются выиграть время – пока он соберет все свои кишки, да приставит руки-ноги, да соскребет мозги с камней…

- Сеньор Крис, хватит! – взмолился Мануэль.

Все рассмеялись.

- В общем, пока он восстановит боевую форму, они успеют смыться подальше, - закончил Кирилл и обратился к Кардосо: – Дэвид, могу я воспользоваться вашим «шарпсом»?

- Сделайте одолжение.

- И еще пару патронов к нему, пожалуйста. Хочу проучить этого наглеца. Пусть в следующий раз позаботится о маскировке. А вы пока, если вам не трудно, займитесь лошадьми.

- С удовольствием.

Кардосо спешился и накинул поводья своей кобылы на передок фургона. Затем расставил всех оседланных лошадей кольцом вокруг повозки. Кирилл за это время пробрался вперед и встал между передней парой в упряжке.

«Прикрывается лошадьми, - подумал Илья. – Неужели он думает, что за ними апачи его не заметят?»

Кирилл поднял «шарпс» и застыл, прицеливаясь. Выстрел заставил всех вздрогнуть. Лошади зафыркали и попятились, Рико принялся их успокаивать.

Глядя вперед из-под руки, Илья видел, что от юкки отвалилась толстая ветка, а следом за ней обрушился целый поток пыли и колючек. Кирилл выстрелил еще раз, и еще одна ветка, переломившись, полетела вниз.

- Какое терпение! – восхитился Кардосо. – Он даже не шевельнулся. Попробуйте ударить в песок рядом с ним.

- Боюсь задеть парня рикошетом. – Кирилл загнал патрон и снова поднял карабин к плечу. – Лучше тряхну ствол.

- Они перебегают, - вдруг сказал Рико, привстав на козлах.- Видите птиц?

Над кустарником на краях оврага то и дело взлетали и снова падали вниз мелкие пташки, которых раньше не было видно.

- Вы там смотрите по сторонам, не зевайте, - проговорил Кирилл, тщательно прицеливаясь.

Он выстрелил и опустил карабин, вглядываясь вперед.

И тут же откуда-то сбоку хлопнула чужая винтовка, и с головы Кирилла слетела шляпа.

Илья развернулся на звук и вскинул оба револьвера.

- Не стрелять! – негромко приказал Кирилл.

Из-за гребня обрыва послышался гортанный крик:

- Эй ты, потерявший шляпу! Ты мог потерять голову! Знай это!

- Эй ты, невидимка! – крикнул в ответ Кирилл, бросив карабин Кардосо. – Чем дырявить чужие шляпы, лучше помоги своему брату вытащить колючки из задницы!

Кардосо подошел к фургону и тихо сказал Илье:

- Это главарь. Он обозначает себя голосом, чтобы его бойцы заняли позиции слева и справа от него. Сейчас они перегруппируются. Готовьте револьверы. Апачи не будут стрелять. Кинутся в рукопашную, чтобы не попортить лошадей.

- Не успеют добежать, - сказал Илья, вглядываясь в пески.

- А это уже зависит только от нас…

Кирилл поднял «ремингтон» и водил длинным стволом, ища цель.

- Эй, невидимка! Чего ты хочешь?

- Выпить твою кровь!

- Тебя мучает жажда? Я могу поделиться водой!

От напряжения у Ильи начали слезиться глаза. Он протер их кулаком, и вдруг увидел, как песок зашевелился, потек струйками – и там, где только что ничего не было, появилась человеческая фигура.

Старый длинноволосый индеец в бурой рубахе стоял на склоне обрыва, и песок струился из-под его ног. Он держал на груди винтовку так, как женщина держит младенца.

- Не стрелять, - снова приказал Кирилл. – Илюха, забери пушку у Мануэля.

Он отстегнул от седла флягу с водой и вышел из-за лошади.

«Сумасшедший, - подумал Остерман. – Что он затеял?»

Кирилл пошел к индейцу, держа флягу обеими руками перед собой. Остановившись в десятке шагов от апача, он встряхнул ее, положил на песок и, отступив, сказал:

- Здесь вода.

Старый апач что-то произнес на своем языке, похожем на клекот неведомой птицы. Над обрывом показался второй индеец, низкорослый и тщедушный. Он кубарем скатился по песку, подхватил флягу и взлетел обратно.

- Я хотел забрать твоих лошадей, - сказал главарь. – Зачем тебе столько?

- Я не один, - ответил Кирилл. – Нас тут много. Если бы все мои друзья выстрелили залпом, от той юкки остались бы только щепки.

- Ты богатый. Ты потратил много денег на лошадей. А мы бедные. Мы забираем их бесплатно.

- На этих лошадей я потратил только четыре патрона, - сказал Кирилл. – Их бывшие хозяева сейчас лежат в кустах возле перевала. Пройди по нашим следам, и ты сам увидишь, что я не обманываю. Ровно четыре патрона.

- Патроны тоже стоят денег.

- Да. Поэтому я не хочу тратить их на тебя и твоих четверых братьев.

Апач повесил винтовку за спину.

- Слушай мои слова, Дырявая Шляпа. Моя война – это война с теми, кто занял мою землю и убивает моих братьев. Если ты будешь тут жить, я выпью твою кровь. Но если ты пришел, чтобы убивать моих врагов, я не стану тебе мешать. Куда ты держишь путь?

- Тирби.

- По этой дороге тебе не пройти. После Сьерра Виста поверни на юг. Там скалы. Иди вдоль них до пересохшего колодца. Найдешь проход в Змеиную долину. А когда попадешь в Тирби, сделай доброе дело – истрать там все свои патроны.

Апач поднялся наверх и скрылся за обрывом. Через несколько мгновений послышался конский топот, и Илья увидел пятерых всадников. Они цепочкой спустились в русло и неторопливо поскакали в сторону перевала.

- Нет там никакого прохода, - сказал Рико. – Врет он все. Засада там будет, а не проход.

- А нам к засадам не привыкать, - ответил Илья, вытирая мокрый лоб.

6. Змеиная долина

Это было похоже на берег моря. Белые волны песка застыли, набежав на отвесные рыжие скалы. Фургон катился вдоль откоса, плавно покачиваясь, будто лодка на морской зыби, и ветер свистел под его тентом и хлопал откинутым пологом, как парусом.

Старый апач не обманул их. Но и не предупредил, что путь вдоль скал займет так много времени. Солнце уже висело над горизонтом, когда путники, наконец, достигли прохода.

- Мы уклонились слишком далеко на юг, - сказал Кардосо. – И долина, которая лежит за проходом, заведет нас в Мексику. Предлагаю остановиться здесь. Мне бы не хотелось ночевать за границей.

- Какой патриотизм, - сказал Илья.

- На той стороне идет война. Если ночной патруль заглянет к нам на огонек, то мы очень нескоро попадем в Тирби. Лет так через десять, отбыв срок на каторге.

- А я слышал, что мексиканское правосудие снисходительно к северным соседям.

- Да, снисходительно. Но только к тем, кто занимается бизнесом в городах, подкармливая чиновников. А не к тем, кто шатается по ночам в зоне военных действий с полным фургоном оружия.

Они нашли укромное место для ночлега и распрягли лошадей. Илья напомнил майору:

- Вы собирались отыграться. Может быть, перебросимся в карты, пока есть время?

- Есть время? – Кардосо огляделся и подозвал Рико: - Полезай вон туда, на скальный выступ. Оттуда тебе все будет видно. Через час я тебя сменю.

Он подставил мексиканцу колено, помогая взобраться наверх, и только потом ответил Илье:

- Не время для игры. Ужин, чистка оружия, караул – сейчас не до карт. Но обещаю вам, что, как только приедем в Тирби, мы усядемся за первый же покерный стол.

Костер разжигать не стали. Ужин состоял из галет и воды, а на десерт по кругу прошлась фляжка с виски. Нагретые за день скалы быстро остывали, и вслед за темнотой на горы сошла прохлада. Кутаясь в одеяла, Остерман и Кардосо продолжали светскую беседу.

- Если не секрет, чем вы собираетесь заняться в Мексике? Будете давать уроки покера местным аристократам?

- Это тоже не исключено. Хотя, скорее всего, содержание моих уроков будет несколько иным.

Кардосо достал сигару, покрутил в пальцах, понюхал, а потом спрятал обратно в карман.

- Почему вы не курите?

- Запах сигары разносится слишком далеко. И те, кто не видит нас, могут учуять. Так вот, сейчас в Мексике идет война. Необычная война. Армия воюет против собственного народа. Народу, чтобы выжить, нужно самому стать армией. Хотя бы на время. Пока к власти не придут другие люди. Не такие людоеды, как нынешний диктатор. Созданием новой армии занимаются мои друзья, и я бы хотел им помочь.

- Ваши друзья – безнадежные романтики, - сказал Остерман. – Где они наберут солдат? Будут бродить по деревням, созывая новых рекрутов? Таким парням, как наши Мануэль и Рико, нет дела до политики, и в армию их не заманишь. Некогда им воевать, им землю пахать надо. А вы говорите – новая армия, новая армия…

- Без романтики не обойтись, - возразил Кардосо. - Политика грязное дело, поэтому она всегда окутывается романтическими нарядами. Думаю, что все будет не совсем так, как планируют мои друзья. Конечно, вооруженный народ – это сила. Но сила неуправляемая, недисциплинированная и непредсказуемая. Народу можно доверить роль пушечного мяса. Но сердцевиной армии должны стать наемники. Необязательно местные. Даже лучше, если они будут

пришлыми. У них не будет жалости к землякам по ту сторону фронта, они не станут церемониться с гражданским населением. Они четко выполнят поставленную задачу. Получат жалованье. И, после победы революции, отправятся по домам, не создавая проблем для новой власти.

- Где же их взять, этих наемников?

Кардосо пожал плечами:

- Это наименее трудная часть задачи. Один из них сидит перед вами. Если вы присоединитесь к нему, их станет как минимум трое. Рико и Мануэля зачислим в обоз. Вот и готова маленькая, но весьма ценная боевая единица.

- Вы говорите, как опытный вербовщик, - заявил Илья. – Знаете, Дэвид, если бы я захотел участвовать в мексиканской революции, то мог это сделать гораздо раньше. В прошлом году мы ненадолго застряли в Эль-Пасо. И там я подружился с поставщиком овощей в местный салун. Сам он был простой огородник, но в Мексике у него остался брат. Образованный человек, учитель ботаники. И борец за повышение урожайности.

Братьям был нужен надежный партнер, чтобы возить через границу рассаду различных полезных растений. Схема была проста, как яблоко в разрезе. Из Техаса отправляются высокопродуктивные сорта пшеницы, кукурузы и фасоли. Из Мексики в Штаты направляются тоже пшеница, кукуруза и фасоль, но не такие урожайные. Зато приспособленные к суровым условиям. Если их сажать рядом, вперемешку, то наша фасоль станет более стойкой, а их – более продуктивной.

- Пока не вижу ничего революционного, - сказал Кардосо. – Если только они не собирались прятать под кукурузой патроны.

- Вы попали в самое яблочко, - засмеялся Илья. – Да, это было выгодное предложение. Делать нам все равно было нечего, да и оплату мой ботаник предлагал вполне приличную, но я отказался. До меня дошел слух о том, как мул с грузом *рассады* сорвался на осыпи и упал на дно ущелья. Взрыв, последовавший за этим падением, забросил его останки обратно на тропу. Возможно, что рассаду слишком усердно удобряли нитроглицерином.

- Что поделать, динамит – хлеб революции, - сказал Кардосо.

Ночь прошла спокойно, и, тронувшись на рассвете, к полудню они перевалили через горы.

Дорога сузилась до тропы, изгибаясь в тесном каменистом ущелье, но за последним поворотом перед путниками распахнулась гладкая равнина, покрытая высокой травой.

Кони пошли резвее, радуясь привычному простору. Слева и справа зеленели покатые склоны, выше них темнели синеватые густые леса.

- Если придется еще раз ночевать, - сказал Илья, - я предпочел бы свернуть к лесу. Там можно будет без особого труда разжиться мясом. В этих лесах полно оленей, и они не боятся человека.

- Тебе это рассказали сами олени? – спросил Кирилл.

- Книжки читать надо, - Остерман благодушно улыбнулся в ответ на привычную колкость приятеля. – В трехтомной «Истории Мексики» написано, что северная Сонора - заповедный край. Когда-то эта долина была населена ацтеками, но они ушли отсюда к океану. Давно, очень давно. Звери за это время успели забыть о людях.

- Почему они ушли? – спросил Мануэль. – Места здесь вполне подходящие для жизни, как я посмотрю. Земля жирная, рядом вода, солнца сколько угодно. Зачем покидать такое славное место?

- Этого не знает никто. Наверно, им просто на месте не сиделось, - Илья пожал плечами. – Ученые считают, что и сюда-то они тоже пришли откуда-то с севера. Никто не знает, какая сила гонит людей с места на место.

- Я знаю эту силу, - сказал Кардосо, отхлебнув из фляжки. Он предложил ее и попутчикам, но те дружно отказались. - Эта сила зовется дьяволом. Вот что я слышал от своих проводников-индейцев, когда служил в Неваде…

Долгая дорога по однообразной равнине была бы слишком жестокой пыткой, если бы люди не умели себя развлекать в пути. Песни путников, длинные и неторопливые; обстоятельные пересказы всем известных легенд; вялый спор о преимуществах того или иного пороха – сгодится все. Лишь бы не молчать, лишь бы не заснуть в седле и не проморгать появления на горизонте всадника, который может оказаться врагом.

Под мерный перестук копыт майор Кардосо начал свой рассказ.

В знойных долинах между гор жили несколько племен, которые знавали чары и волшебство. Земля приносила им удивительные плоды. Тыквы были такими огромными, что их едва можно было обхватить руками. Кукурузы было так много, что мелкими початками топили печи, а большие початки можно было носить охапками, и в каждом початке было не двенадцать рядов зерен, а сорок четыре. Стебли томатов были такими длинными и толстыми, что на них забирались, как на деревья.

Эти племена сеяли и убирали хлопок всех цветов – красный, желтый, фиолетовый, зеленый, рыжий, сероватый и белесый, красный и… нет, красный я уже говорил. Да, еще черный и оранжевый. Хлопок так и рос цветным, никто его не красил.

И были у этих племен все богатства мира – золото, серебро, изумруды и рубины.

Но нельзя пользоваться чародейством безнаказанно. Рано или поздно настает расплата.

Вожди этих племен заключили союз с дьяволом, и он пообещал им удесятерить их богатства, если они переплывут океан.

И бросили они свои хлопковые поля, покинули свои золотые рудники, оставили дома, украшенные драгоценными камнями. И поднялись племена из долин, перешли через горы и направились к океану, взяв с собой только свои волшебные книги и каменные плиты с рисунками.

Но выйдя на берег океана, они остановились, потому что не знали, как пересечь его. И все их чародейство потеряло силу в морских волнах. А дьявол оставил их без помощи…

- Это просто сказка, - произнес Остерман, внимательно выслушав эпическое повествование, прерывавшееся пару раз бульканьем фляжки. – Черного хлопка не бывает.

- Да, сеньор Билли, - сказал Мануэль. – Сказки все это. На самом деле все было не так.

- А как?

- На самом-то деле все эти племена остались в долинах, да там и вымерли. Спаслось только одно племя, семейство Патекатль, и спаслось-то оно из-за своего позора. Все дело было в том, что земля в долинах была хорошая и богатая, и одна женщина научилась добывать из земли вино.

Она, женщина эта самая, стала накалывать листья агавы и добывать оттуда мед, из которого вино делают, называется «майяуэль». А Патекатль нашел корни, которые бросают в мед, чтобы получилось пульке. Когда созрело самое первое пульке, то Патекатль пригласил на праздник всех уважаемых людей племени, всех стариков и старух. Всем дали поесть как следует, а потом и выпить нового напитка. Каждому, кто был на празднике, дали по четыре чашки, чтобы не напивались.

А сам-то Патекатль выпил пять чашек. Ну, и потерял рассудок, посрывал свои одежды и обнажил срамные места. Все старики и старухи страшно оскорбились и хотели его наказать. Но он убежал вместе со всем своим племенем. И дошли они до моря, а дальше идти не могли, потому что не знали, как ходить по воде. И это даже было не само море, а только топи и болота на побережье. И основали там поселение, которое теперь называется Матаморос. Вот так.

- Наши версии сходятся, - сказал майор Кардосо. – Людей отсюда выгнал дьявол. А имя тому дьяволу – пьянство.

Он невозмутимо встряхнул свою фляжку, на слух определяя ее наполненность, и отпил еще один глоток.

- Не вешайте на дьявола чужие дела, - сказал Кирилл. – Людей отсюда выгнали другие люди. Так бывает всегда. И везде.

- Да, сеньор Крис, - вздохнул Мануэль. – Все беды – от людей.

Рико, ехавший впереди, предостерегающе поднял руку, и все замолчали, остановив коней. А мексиканец спешился и присел над дорогой, пытливо ощупывая ее. Он вставал и переходил с места на место, снова опускался на корточки, перебирая пальцами дорожную пыль. Что-то растер, понюхал, пересыпал с ладони на ладонь.

Наконец, он вернулся к своей лошади и подъехал к фургону.

- Ну, что тебе сказали следы? – спросил Кирилл.

- Солдаты, – коротко ответил Рико.

Кардосо тоже соскочил с коня и прошелся по дороге, разглядывая следы. Он повторил все действия мексиканца – присел, растер, понюхал. Но его отчет был более подробным.

- Да, похоже на то. Это не апачи, они не подковывают своих лошадей. А эти лошади подкованы, причем недавно. И их много. Не меньше двух десятков. Апачи редко собираются в такие большие банды. Лошадей кормили овсом, судя по помету. И еще, судя по помету, они проехали здесь несколько часов назад. Колонна держалась ровно. Один всадник скакал сбоку, потом вернулся. Есть сигарный пепел. Я тоже думаю, что это солдаты.

- Может быть, это просто бандиты? – с надеждой в голосе спросил Мануэль. – Вроде нашего дона Хосе Рибейры?

- Нет, - сказал Рико.

- Лошади не перегружены, - пояснил Кардосо. – Едут налегке, а бандиты всегда возят с собой всякие припасы. Это явно солдаты. Патруль.

Мануэль перекрестился.

- Господи, помилуй. Обереги, Господи, от патрулей на дороге. Давно уже такого не было. И что их сюда-то занесло?

- Это нас сюда занесло, - проворчал Рико. – Надо было ехать через Сьерра Виста. А теперь…

Он махнул рукой.

Мексиканцы казались смертельно напуганными. Кирилл постарался их подбодрить:

- Во всяком случае, этот патруль нам уже не встретится. Но почему вы так боитесь солдат?

- Потому что нет для крестьянина напасти страшнее, чем солдаты на дороге. Мы из-за них и в город ездить перестали.

- Остановят на дороге и давай спрашивать, «за кого ты?», да «за кого?». А мы ни за кого! - Рико ударил себя кулаком по коленке, и его лошадь испуганно попятилась. – Ни за кого мы! Мы сами за себя!

- Ага, только скажи им такое. Ах, за себя? Значит, против нас? И все, пропал человек. У нас еще поспокойнее, чем в других местах. А то, бывало, целые деревни выжигали. Кто-то ночью нападет на казарму, убьет пару солдат – и назавтра соседней деревни как не бывало. Не ищут, кто прав, кто виноват. Подпалили крыши, набили обоз зерном, и ушли. А ты, значит, живи на пепелище. Или уходи на север.

- А кто косо посмотрит, того – к стенке, - добавил Рико.

- Значит, нам повезло, что мы с ними разминулись, - сказал Остерман.

- Да, но патруль обычно возвращается той же дорогой, - заметил Кардосо. – Предлагаю растянуться. Дозор вперед, остальные на самой границе видимости.

Они тронулись дальше, но теперь ехали молча и внимательно оглядываясь. Рико скакал далеко впереди, иногда свешиваясь с лошади, чтобы рассмотреть следы.

Примерно через час он остановился.

- Кто-то попался, - сказал он.

- Здесь солдаты нагнали трех мулов, - сообщил Кардосо после осмотра следов.

Через несколько миль, когда справа от дороги зашелестел высокий тростник, Рико снова остановился, привстал в стременах, и, оглядевшись, осторожно направил свою лошадь по свежим следам, по надломленным и примятым стеблям, которые еще не успели распрямиться.

В конце свежей тропы, на топком берегу мутной узенькой речки, лежали два трупа. Голые мужчины со связанными за спиной руками. Жужжащие мухи кружили над ними и сплошным сверкающим слоем копошились на их лицах.

- Ну что, Мануэль? – спросил Илья, чтобы привести в чувство мексиканца, окаменевшего от ужаса. – Теперь тебе ясно, почему в этих благословенных краях никто не живет?

- Мы не слышали выстрелов, - заметил Кирилл. – Значит, они далеко.

- Были далеко, - сказал Кардосо, оглядываясь поверх тростника. – Но здесь они задержались. Не хотел бы я их догнать.

- Что вы предлагаете? – спросил Кирилл.

- Нам спешить некуда, - ответил майор. – Надо закопать покойников. А те, кто их тут бросил, пусть себе едут.

Через два часа на обочине дороги темнели два холмика с крестами, связанными из толстых стеблей тростника. Никаких надписей, никаких знаков, хоть как-то обозначающих, кто здесь лежит. Две безвестные жертвы на дорогах войны.

***

Они ехали молча. Тишину нарушал только скрип колес да мягкий топот копыт. И когда первая пуля просвистела в воздухе, ее услышали все. А через секунду донесся и щелчок далекого выстрела.

- Ходу! – приказал Кирилл, оглядываясь.

«Как глупо, - подумал он, увидев цепочку всадников, которые неслись сзади по степи. – И почему я решил, что патруль впереди? Они могли свернуть, обогнуть холмы и снова выйти на дорогу. Выйти – и увидеть нас. Как глупо».

Мануэль свистел и размахивал бичом, и фургон быстро разгонялся. Илья нагнал Кирилла, размахивая револьвером.

- Их много!

- Вижу!

- Отобьемся?

- Уйдем!

Кардосо, скакавший впереди, крикнул:

- Надо сворачивать к лесу! Там они нас не догонят!

- А фургон?

- Черт с ним!

Кирилл быстро прикинул дистанцию. До леса метров триста. До преследователей – примерно втрое больше. «Если свернуть прямо здесь, на склоне потеряется скорость. А погоня приблизится. И когда мы будем на опушке, до них останется чуть больше трехсот шагов. Успеем перебить половину, остальные отступят».

- Мануэль, к лесу! – крикнул он.

Фургон чуть не опрокинулся, забирая вправо, вверх по склону. Кирилл подстегнул свою лошадь, и та понеслась, обгоняя всех. Однако белая арабка Кардосо, поначалу отставшая, вдруг перемахнула через кустарник и оказалась впереди.

- Готовь винчестер! – крикнул майор, не оборачиваясь.

С дороги слышалась частая пальба, и несколько пуль взъерошили траву на склоне.

Майор первым слетел на землю. Его кобыла, не останавливаясь, промчалась между деревьями и скрылась в глубине леса. Когда Кирилл поравнялся с Кардосо, тот уже стоял на одном колене и целился.

- Прицел - по ногам лошади! – сказал он. – Свалишь коня, достанется и всаднику!

- Мои справа, твои слева! – ответил Кирилл, вскинув винчестер.

- Нет! Бьем вместе, по тому, кто в середине!

«Верно, - подумал Кирилл, - в середке наверняка командир». Теперь он мог и разглядеть, и сосчитать врагов. Семеро. Не так и много. Но это были опытные и умелые бойцы. Они растянулись в редкую цепь, дугой летящую по косогору, и на ходу стреляли из винтовок.

«По фургону бьют», - понял он, а дальше думать было некогда. Он стрелял по среднему всаднику, рядом грохотал винчестер майора. Краем глаза Кирилл видел, что фургон остановился на середине склона, а Мануэль мечется в куче лошадей – видимо, какая-то из них пала от пуль. Он хотел крикнуть, чтобы тот залег, но мексиканец, наконец, и сам догадался спрятаться.

- Есть! – торжествующе воскликнул Кардосо.

Цепь всадников разом рассыпалась в стороны и покатилась обратно по склону. Один скакал медленнее других. Он сидел, навалившись грудью на шею коня.

- Черт! Уйдет. Был бы «шарпс» под рукой, я б его добил, - разочарованно протянул майор.

Нападавшие сбились вокруг раненого плотной кучкой, поскакали обратно по дороге и скрылись за холмами.

В тенте фургона Остерман насчитал восемь пробоин, и еще несколько пуль оставили следы на бортах.

- Здорово стреляют, - сказал он. – Я никогда не видел таких трюков. Бросить поводья, на скаку бить из винтовки, да еще и попадать в цель? Начинаю уважать мексиканскую армию.

- Это не солдаты, - заметил Кардосо. – Они были не в мундирах.

- Значит, обычные разбойники? – спросил Мануэль.

- Нет. Необычные. Весьма необычные, - мрачно ответил майор.

7.Работа для Мутноглазого

Сотни лет назад индейцы хопи умели добывать медь. Когда на их землях появились испанцы, хопи поделились с ними своими знаниями. Из меди получались отличные украшения, но испанцам почему-то больше нравилось золото, и залежи медной руды оставались нетронутыми еще очень долго. Когда Мексика обрела независимость от испанской короны, новым властям было не до меди. Разработка месторождений началась только после того, как изрядный кусок мексиканской территории был продан Соединенным Штатам. Благодаря этой сделке наконец-то сформировалась постоянная граница между двумя странами. Американцам досталась удобная трасса для прокладки железной дороги, а президент Санта Анна получил свои десять миллионов долларов, да и ушел в отставку под давлением возмущенной общественности.

На новых землях появились изыскатели, за ними пришли старатели, а потом появились шахты и рудники. Медь залегала неглубоко и была, казалось, повсюду. Почти каждый, кто успел застолбить участок на склоне холма, мог быть уверен, что у него под ногами не просто камни да глина, а сотни тысяч долларов. Слухи о прибыльном месте распространились по всему Юго-западу, и население Аризоны стало бурно расти.

Однако удача улыбалась не всем. Медная руда – это тебе не золотой песочек. Ее не намоешь лотком в ручье, и одиночкам тут нечего делать. Кто-то нанимался на шахты, кто-то бросал работу сразу же и уезжал, а некоторые оставались, найдя себе другое занятие. Они становились обладателями земельных участков, на которых вскоре появились фермы. Места тут были засушливые, но хопи научили новых соседей использовать каждую каплю воды. А соседи к тому же умели добывать живительную влагу из-под земли. Повсюду выросли ветряки, качавшие воду из скважин. Зазеленели кукурузные поля и полосы огородов, стали бродить стада овец и коров. Фермеры кормили шахтеров, шахтеры кормили меднорудную компанию, а та подкармливала чиновников, и все были довольны.

Все, кроме тех, кому вечно чего-то не хватает. Таким был Джеральд Хезелтайн. Он владел крупнейшими казино и двумя публичными домами в Тирби, был совладельцем банка, рудника и нескольких мелких шахт, но все не мог остановиться в своем стремлении к богатству. Пришло время, и границы его владений, постепенно расползаясь вслед за медью, подступили к земельным угодьям фермеров.

Его партнер, Сайрус Тирби, основавший город в пустыне, полагал, что надо остановиться и копать вглубь, а не вширь. Но медь, собранная у поверхности, была в десятки раз дешевле той, которую извлекали с глубины. Ну, пусть не в десятки. Однако даже десять выигранных процентов делали Хезелтайна счастливейшим человеком на свете. А один процент упущенной выгоды ввергал его в бездну отчаяния.

- Так продолжаться не может, - сказал он однажды Сайрусу Тирби. – Я все просчитал. Нам надо в течение этого года скупить еще двенадцать ферм на холмах к северу от рудника. Это будет стоить шестьдесят тысяч. А вгрызаться в землю – слишком дорогое удовольствие. Чтобы поддерживать уровень добычи на прежнем уровне, придется потратить двести двадцать тысяч за три месяца.

- Джерри, что такое для нас двести тысяч? – небрежно улыбнулся полковник Тирби. – Месячный доход всех наших заведений. Вложим их в дело. Банковские сейфы и так трещат по швам. Пусть деньги поработают немного.

- Я не против. Деньги должны работать. Но у нас нет гарантий, что в глубине мы не наткнемся лишь на пустую породу. Если пласты меди тонкие, нас ждет крах.

- Гарантии? Их может дать наш геолог. Старина Адамс копается здесь седьмой год. Думаю, что он может дать гарантии, - веско заявил полковник. – Кстати, я как раз собираюсь

его навестить. Надо приготовиться к большой охоте. Прогуляюсь с рейнджерами на виллу, загляну и к старику. За гарантиями.

- Когда вернешься?

- В понедельник. Пожалуйста, Джерри, обещай мне, что ты не будешь наезжать на фермеров.

- Я и не наезжаю. Я просто хочу, чтобы они немного потеснились. Разве тут мало земли? И деньги мы им дадим приличные…

- Джерри, Джерри, угомонись. Куда им уходить? В Мексику? Поставь себя на место фермера…

- Сайрус, не надо демагогии, мы не на предвыборном митинге. Чтобы встать на место фермера, мне надо было в юности не учиться, не работать над собой, не отказывать себе во всем, а тупо плыть по течению, как все вокруг, которые стали фермерами, шахтерами и официантами. А я стал Джеральдом Хезелтайном, и теперь мне цена - три миллиона долларов, если считать только недвижимость и акции. Ну, и как я встану на место фермера?

- Ты никогда не будешь удачливым политиком, - смеясь, заключил полковник Тирби. – Не дано тебе уловить чаяния избирателя. Думаешь только о себе. Обещай мне хотя бы ничего не предпринимать, пока я не вернусь с гарантиями.

- Или без них, - сказал Хезелтайн.

Полковник отправился в свои охотничьи угодья, а Хезелтайн вызвал к себе человека по кличке Мутноглазый.

Это был выходец с Юга. Возможно, из Луизианы, потому что имя у него было французское – Джон Лагранж. Хезелтайн не знал о нем почти ничего, и не хотел знать. Мутноглазый не задавал лишних вопросов, работу выполнял добросовестно, а заработанные деньги тут же спускал в одном из игорных домов – то есть попросту возвращал их Хезелтайну.

Кличка приклеилась к нему из-за особенностей глаз. Они были светло-серыми, почти бесцветными, что на фоне смуглого лица и густой черной шевелюры производило жутковатое впечатление.

- Ты давно был в нижнем городе? – спросил Хезелтайн.

- Что мне там делать?

- Там есть замечательная таверна.

- Ну да, в которой собираются свинопасы, курощупы и прочие говнодавы. Нет, сэр. Спасибо, сэр. Я уж лучше в «Парнасе» посижу.

- «Парнас» никуда не денется. Завтра вечером в таверне будет собрание фермеров. Их предводитель, Пит Виллис, любит после выпивки хвататься за кольт. Запомни имя – Пит Виллис. Он подбивает фермеров на войну против меня. Мне это надоело. С ним давно пора разобраться.

- Понимаю… – Мутноглазый принялся теребить длинный ус. – Значит, собрание? Много их съедется туда?

- Думаю, человек десять-двенадцать.

- И обратно, конечно, поедут кучей. Так-так…. Извиняюсь, я не расслышал – где, ты сказал, находится ферма этого Виллиса?

- По-твоему, я должен знать адрес каждого ублюдка в Аризоне?

- Извиняюсь, босс. Значит, собрание? Ладно, пусть будет собрание…

***

Проще всего убить человека по дороге к дому. Он может плутать где угодно, но всегда вернется к родному порогу. Значит, здесь его и надо поджидать.

Однако на этот раз Мутноглазому пришлось отказаться от самого простого решения.

Жан Лагранж, как всегда, тщательно подобрал одежду для работы. Вязаный галстук на резинке, желтые ботинки и шляпа, похожая на паровозную трубу – все это придавало ему вид прощелыги-горожанина, какого-нибудь агента по продаже лотерейных билетов. Такие фигуры довольно часто заезжали в «нижний город», как назывался район Тирби, расположенный на северном склоне Медного холма. Там располагались продовольственные склады, лавки и постоялые дворы для деревенщины. Фермеры со всей округи съезжались туда, чтобы купить дрожжи, табак или фургонные шины, а также узнать и обсудить последние новости.

Собрание фермеров проходило за длинным столом. Участники потягивали пиво, дымили самокрутками и мрачно слушали речи своего председателя. Однако его призывы к совместным действиям вызывали у слушателей только усмешку – у кого сочувственную, у кого скептическую. «Каждый сам за себя» - вот что могли бы написать фермеры на своем знамени. Если бы только они ухитрились собрать несколько долларов, чтобы скроить себе знамя.

Лагранж устроился у стойки бара и заказал бутылку виски и большой стакан. Его напарник, Бингл, топтался в другом углу таверны, увлеченно следя за сражением на бильярдном столе. Сходка фермеров подходила к концу. Они вяло перебрасывались замечаниями о ценах на лес и стройматериалы.

- Черт его знает, - проговорил один из фермеров, - а надо ли строиться дальше? Нужен новый сарай, позарез нужен. Ну, а вдруг придется съезжать? Оставить все под снос?

- Не горюй. Чем больше ты вложишь в хозяйство, тем дороже сможешь его продать.

- Да? У компании твердая цена. Пять тысяч – и весь разговор. И куда мы денемся с такими деньгами? Обратно на Восток?

- Даже и не думай о продаже, - раздался густой бас Пита Виллиса. – Сами видите, люди, у нас нет иного выхода. Если мы уйдем со своей земли, нас ждут разорение и голод.

- Если не уйдем, то же самое…

Лагранжу нравился этот Виллис. Такие люди обычно становятся вожаками в любой человеческой стае. В нем было слишком много жизненной силы, чтобы оставаться гордым одиночкой, к каким причислял себя Мутноглазый. Нет, если бы Пит Виллис оказался вне закона, он не стал бы наемным убийцей. Он создал бы грозную и неуловимую шайку, и не одна шерифская звезда была бы прострелена его пулями, и негритянки пели бы о нем колыбельные, пугая на ночь своих негритят, чтобы крепче заснули.

Пит Виллис был худой и высокий, даже сидя он был выше всех. Его лицо было, как лошадиная морда – вытянутое, с выпуклыми крупными зубами и чуть вывернутыми ноздрями, с широко расставленными черными глазами под высоким лбом, на который падала густая русая челка. Ну, просто вылитый конь. Породистый конь, своенравный и неукротимый.

- Хорошо тебе говорить, Питер. У тебя только жена да сын, а у нас в семьях по шесть-семь ртов.

- Нам-то что, а вот за детей страшно. Может, пока не поздно, перебраться отсюда?

- Да поймите вы! Стоит только одному продать свой участок, как рудник вклинится в наши поля! И тогда остальным придется гораздо хуже, чем сейчас.

- Вот то-то и оно, Виллис, то-то и оно …

Лагранж понял, что сейчас самый подходящий момент для того, чтобы вступить в дело. Он обернулся к столу фермеров и сказал:

- Извините, господа, что я вмешиваюсь, но мне послышалось что-то знакомое. Кто-то из вас назвал имя Питера Виллиса. Он здесь?

- Да. Я здесь.

- Виллис? Питер Виллис из Колорадо? Тот самый? Не может быть!

Пит Виллис с недоумением разглядывал Лагранжа, а тот подхватил бутылку со стаканом и, пьяно пошатываясь, направился к фермерскому столу.

- Питер Виллис, какая встреча! Давай выпьем за то, что ты воскрес из мертвых!

- Ты, друг, меня с кем-то путаешь, - Виллис вышел из-за стола. – Я тебя знать не знаю, и пить с тобой не собираюсь. Ты уж извини.

- Ты меня не знаешь? Ну конечно, откуда такая важная птица, как Питер Виллис, может знать простого телеграфиста!

Фермеры тоже стали подниматься из-за стола, собираясь уходить. Виллис уже стоял у самого порога, когда Лагранж выкрикнул с пьяной ухмылкой:

- Ты всегда так быстро сматываешь удочки, Виллис! Куда ты бежишь? Не хочешь узнать новости с нашей шахты?

- Какой шахты? – Виллис смотрел на него с отвращением. – Что может знать о шахте человек с такими белыми руками? Ты держал в руках что-нибудь тяжелее ложки? Зря ты так много выпил сегодня.

- Извините, мистер, я обознался, - Лагранж шаркнул ногой и нелепо поклонился, расплескав виски из стакана. – Тот Виллис, которого я знал по шахте Стоунбридж, не стал бы убегать. Хотя он все-таки страшно похож на тебя. Такой же длинный. Когда его вымазали дегтем, обваляли в перьях, а потом подвесили к шесту, чтобы пронести по всему поселку, он все время цеплялся спиной за дорогу. Вот смеху-то было! Извините, мистер, я обознался!

Снова в таверне повисла напряженная тишина. Бингл, стоя в притихшей толпе у бильярда, выдал свою реплику:

- Что-то такое я слышал. Вроде, говорили люди про шахту Стоунбридж. Кажется, там поймали вора?

- Да, вора! Он крал у своих! У таких же бедняков, каким сам прикидывался! – Лагранж обличительно ткнул пальцем в сторону Виллиса. – А под тюфяком у него нашли пару тысяч долларов и все часы, что пропали в поселке!

Виллис стоял один на пороге таверны, все его друзья почему-то отодвинулись в стороны. Он тяжело дышал, и рука его тянулась к кобуре. Заметив это, Лагранж решил ускорить развязку. Он наполнил стакан и протянул его окаменевшему фермеру.

- Виллис! Дело прошлое! Давай выпьем за то, что ты живой и здоровый! Я думал, тебя давно повесили!

Рука Пита Виллиса оторвалась от кобуры и медленно поднялась, принимая стакан из руки Лагранжа. Мутноглазый успел зажмуриться раньше, чем виски выплеснулось ему в лицо. Деланно испугавшись, он отшатнулся назад к стойке, судорожно вытирая лицо рукавом.

- Ты, слизняк, - с трудом выдавил из себя Виллис, - брехун ты позорный, забери свои слова обратно. Иначе я свинцом загоню их в твой вонючий рот!

Фермер допустил ошибку – на Западе нельзя угрожать безоружному. Он сам загнал себя в ловушку.

- Ты назвал меня лжецом! – закричал Лагранж. – Эй, люди, все слышали? Дайте мне что-нибудь, чтобы я мог ответить этому вору!

Он, как слепой, вытянул руки перед собой и шагнул сначала в одну сторону, потом в другую, прежде чем наткнулся на Бингла:

- Друг! Дай мне свой револьвер! Я покажу этому воришке, кто из нас настоящий брехун!

В его руке оказался кольт со спиленной мушкой.

- Он заряжен? Как из него стреляют? На что нажимать? – суетился Лагранж, натужно, двумя руками взводя курок и поднимая револьвер. – Ну, гад, получай!

Мутноглазый мог уже три раза убить фермера за то время, пока ломал комедию. А тот даже не шелохнулся, держась за рукоятку своего длинного облезлого «уокера». И только после того, как Лагранж крикнул «получай!», Виллис выхватил револьвер из кобуры.

Лагранж выстрелил первым, и пуля ударила в правое плечо Виллиса. Фермер пошатнулся, рука опустилась, он все-таки нажал на крючок, но пуля ушла в пол. Мутноглазый

выстрелил еще раз, в сердце, и Виллиса развернуло влево. Он запрокинул голову, и на губах его проступила пена. Все его тело передернула судорога, он выгнулся дугой и повалился на пол, с громким стуком ударившись об доски затылком.

- Боже! – закричал Лагранж. – Что я наделал! Что наделал!

Громко рыдая, он выбежал из таверны, не забыв, однако, опустить свой любимый кольт в карман сюртука. За спиной хлопнула дверь, кто-то выбежал наружу, но преследователи не могли видеть Мутноглазого – он уже нырнул в проход между складами.

Его конь стоял за углом, привязанный к штакетнику рядом с лошадью шерифа.

- Ну, как прошло? – спросил тот. – Я слышал три выстрела.

- Моих было два, - сказал Лагранж, ловя стремя носком.

- На тебя это непохоже.

- А мне и надо, чтоб не было похоже на меня, - сказал Мутноглазый. – Иди, принимай работу.

8. В городе

Майор Кардосо сдержал слово. Едва завидев среди шахтерских палаток большой шатер под вывеской «Дом Азарта», он направил к нему свою кобылу.

Мануэль, правивший лошадьми, оглянулся:

- Куда он?

- Поворачивай за ним, - сказал Кирилл. – Постоим здесь немного.

Илья и майор уселись за свободный столик, сколоченный из двух больших ящиков. Ящики поменьше служили здесь стульями, и стойка бара была сделана из ящичных досок, пестрых от разнообразных надписей и штампов.

Кирилл задержался у стойки, оглядывая витрину.

- Эти бутылки не продаются, - предупредил его бармен. – В прозрачных – подкрашенная вода, а в темных пусто. Стоят для красоты. Тут никто не заказывает ничего кроме пива и бурбона.

«Весьма разумно, - подумал Кирилл. – А на этикетки все равно приятно посмотреть. Вспомнить, как впервые попробовал шампанское…».

- Вода есть?

- По цене пива.

- Три бокала воды. И еще. Где я могу остановиться на неделю? Хотелось бы пожить в приличном номере. Два месяца под открытым небом…

Бармен сочувственно кивнул, наполняя бокалы водой из оцинкованной фляги:

- Я сам когда-то пришел сюда из Канзаса на своих двоих. Месяц в седле, а в Тумбстоне лошадь украли. Не поворачивать же обратно. Двинулся пешком. Так что любой, кто въезжает в Тирби не на дилижансе, для меня как брат родной. С вас три доллара, сэр. А насчет отеля - посоветую «Амбассадор». Это напротив главной конторы. Там и почта, и банк. И номера приличные. Водопровод. Днем даже бывает горячая вода. Белье меняют каждую неделю, а внизу как раз прачечная. Так что двигайте туда, сэр, не прогадаете.

Кирилл взял поднос с тремя бокалами не слишком прозрачной воды и направился к столику, где Илья и Кардосо уже выстроили столбики фишек и перетасовали покерные карты. Он не собирался играть, и подсел только для того, чтобы матч-реванш не затянулся. Гостиница, расположенная возле офиса меднорудной компании, да еще по соседству с банком, безусловно, была самым подходящим местом для проживания. Будет крайне досадно, если они опоздают занять там номер.

- Вы уже договорились насчет времени? – спросил он.

- Естественно. Играем полчаса, - рассеянно ответил Илья, разглядывая свои карты. – Банкиром будешь? Или подождешь нас в фургоне?

- Для двоих банкир не нужен. Лучше я буду смотреть на часы.

Он и в самом деле выложил карманные часы на стол, и смотрел только на циферблат, и каждые пять минут объявлял, сколько осталось. При этом Кирилл не забывал следить и за окружающими. Здесь довольно строго следовали карточному этикету, и никто не глядел на новых игроков. Исключение составляли трое невзрачных типов, слонявшихся вдоль наклонных стенок шатра. Они бросали равнодушные взгляды на столы и тут же отворачивались. Иногда один из них подсаживался к стойке и наблюдал за играющими оттуда. Кирилл видел, что эти трое чем-то связаны между собой, хотя они ни разу не переглянулись, и ухитрялись все время находиться в разных концах шатра. Возможно, то были местные борцы с шулерами. Или, наоборот, подручные какого-то шулера, который сейчас работал за одним из игровых столов.

- Осталось пять минут, - объявил Кирилл.

- Удваиваю, - Илья подвинул стопку фишек.

- Отвечаю. И открываемся. – Кардосо разложил свои карты на столе. – Пара на семерках.

- Вы победили. Я без пары. – Илья сгреб карты и принялся тасовать. – Последний заход, майор?

- Пожалуй, достаточно. Будем считать, что я отыгрался.

Они вышли из шатра и направились к фургону, где Рико возился около лошадей, поправляя упряжь. Кирилл не сразу узнал его, потому что мексиканец успел сменить свои белые одежды на клетчатую рубашку и просторные замшевые штаны. Мануэль, тоже переодевшийся подобным образом, стоял в сторонке и о чем-то шушукался с мексиканцем в дырявом рабочем комбинезоне.

- Меня восхищают люди, способные вот так запросто выйти из игры, - сказал Илья. – Я очень долго учился справляться с азартом. А у вас это получается так непринужденно.

- Я не знаю, что такое азарт, - спокойно ответил Кардосо. – Игра доставляет удовольствие, не более того. Сумма проигрыша иногда огорчает, к выигрышу я равнодушен. Но что такое азарт, для меня всегда оставалось загадкой. Возможно, как раз поэтому я до сих пор играю. Наблюдаю за партнерами и пытаюсь заразиться их чувствами.

- Получается? – спросил Кирилл.

- Нет. Мне ближе другое. Опасность, неизвестность, риск – все это манит людей. За карточным столом многие рискуют остаться не только без денег, но и без головы. Однако мне это смешно. Риск должен иметь смысл. Например, на войне.

- В таком случае мы квиты, - сказал Илья. – Отправившись с нами, вы здорово рисковали.

- Пара стычек за всю дорогу? – Майор пожал плечами.

Кирилл вспомнил, как хладнокровно Кардосо расстрелял налетчиков, прячась в кустах. И подумал: «А ведь он стрелял им в спину».

- Кажется, вы весьма огорчены, что не удалось еще и повоевать с апачами, – сказал он.

- Я с самого начала был уверен, что они блефуют, - вяло улыбнулся Кардосо. – Там не было места, чтобы скрыть большую банду, а без перевеса они не нападают. Вряд ли они нас выслеживали. Видимо, старик просто куда-то направлялся, а мальчишки его сопровождали. Между прочим, апачи - самая азартная нация из всех, кого я знаю. У них много разных игр, но чаще всего они режутся в цветные палочки. Что-то вроде «верю -не верю». Кстати, Крис, знаете, почему старый апач не убил вас? Он увидел, что вы играете с ними. И сделал ответный ход. Но вот когда вы предложили ему воду, мне стало не по себе. Апачи не знают великодушия, милости. Доброта воспринимается ими как проявление слабости. А слабым незачем жить.

- Старый апач понял меня лучше, чем вы. Я не из доброты предложил ему воду. Он не умирал от жажды. Я показал, что считаю его равным себе. И прибавил к воде четыре трупа, которые мы оставили за спиной. Старик все понял правильно.

- В любом случае, путешествие было приятным, - Кардосо протянул руку ему, затем Илье, а потом обменялся рукопожатием с Мануэлем и Рико. – Не забудьте, о чем мы говорили ночью. Если будете в Мексике, охотно приму вас в свой эскадрон.

- Куда вы сейчас?

- Не знаю. Навещу друзей, а они скажут, куда ехать.

Он щелкнул каблуками и небрежно поклонился. Когда его белая кобыла скрылась за палатками, Илья сказал:

- Черт возьми, я был готов все бросить и отправиться вместе с ним.

- Зачем?

- Просто так. Кажется, я больше никогда не сяду за карты. Пропал интерес.

- Тебе все же придется немного поиграть, - сказал Кирилл. – В интересах нашего бизнеса.

- Опять бизнес, - скривился Илья. – Там люди революцию готовят, а ты все о бизнесе. Ладно, поехали. Только куда?

- Будем искать отель «Амбассадор». – Кирилл увидел, что Рико смотрит на него, не решаясь задать вопрос. И сказал: - Мне нужны люди, которые будут присматривать за фургоном и лошадьми, пока мы будем заняты своими делами. Оплата - доллар в день. Устраивает?

Рико кивнул.

- Найдите себе место, где будете жить. Постоялый двор или еще что-нибудь, – Кирилл выгреб из кошелька все мелкие монеты. – Вот деньги, заплатите за овес и постой. Когда устроитесь, приходите к отелю, обсудим наши планы.

- Да какие наши планы, сеньор Крис, - заулыбался Мануэль. – Обойдем все богатые дома, поговорим с прислугой и найдем Луиситу. Рассчитаемся с хозяевами – и домой. Но мы можем вас подождать, чтоб вернуться всем вместе. Нам-то что? Нам спешить некуда.

- Все равно, жду вас возле «Амбассадора» примерно через час.

- «Амбассадор» - плохое место, - буркнул Рико.

- Почему?

- Там грабят.

- Да, это плохое место, - поддержал его Мануэль. - Пока вы играли, мы поговорили с земляками. Они рассказывают, в больших гостиницах творятся дурные дела. Ляжет человек спать, запрется в комнате, а ночью в стенке открывается потайной ход. Воры его обчистят, а он и не заметит. Утром хватится, что кошелек пустой, да только поздно будет. Парни сами строили такую гостиницу. Они тут все строили. Так что давайте лучше вместе поживем на постоялом дворе. Среди бедняков как-то спокойнее.

- Спасибо за совет, амиго, - Илья хлопнул мексиканца по плечу. – Теперь-то я точно знаю, что «Амбассадор» - самое подходящее для нас место.

Они переоделись в фургоне. На этот раз приличные городские костюмы отправились на самое дно чемодана – они понадобятся еще нескоро. Сейчас надо было выглядеть так, чтобы не выделяться. Однотонные рубашки с едва заметной вышивкой на плечах; добротные жилеты тисненой кожи – не слишком новые, но и не заношенные; брюки с замшевыми накладками. Одной из важнейших деталей наряда был оружейный пояс. Кирилл прицепил к нему кобуру с легким «смит-вессоном». Остерман, поколебавшись, остановил свой выбор на «веблее» - этот револьвер был не таким роскошным, как его любимый «миротворец» с перламутром и серебром, зато гораздо легче. До блеска начистив сапоги, Кирилл и Илья приторочили чемоданы к седлам и направились туда, где над морем палаток возвышались несколько зданий. Там начинался собственно город. Он стоял на крутом холме, и все лучшие здания занимали вершину, а рабочие окраины лепились к склонам.

- Надо поговорить с мексиканцами, которые строили офис конторы, - сказал Илья. – Может, они и сейфы туда затаскивали. Конечно, они, больше некому. Они много могут рассказать.

- Этим займусь я, - сказал Кирилл. – Твое дело – игорные заведения.

- И публичные дома, - добавил Илья. – Девчонки знают все обо всех. Может быть, и про Луиситу что-нибудь разведаю.

- Если и разведаешь, не стоит говорить об этом Рико. Иногда лучше ничего не знать.

- А по-моему наоборот. Чем раньше он узнает, что ему надо искать другую невесту…

- Да не нужна ему другая, - сказал Кирилл. - Ты рассуждаешь как типичный северянин. На юге все по-другому. Если Рико найдет Луиситу в борделе, это конец всему. И ему, и Луисите, и борделю.

Они выбрались на центральную улицу, разделявшую поселок на две части. Ниже по склону холма были в беспорядке разбросаны шатры и землянки, и от дымящихся костров тянуло запахом подгоревших кукурузных лепешек. По другую сторону дороги выстроились ряды брезентовых палаток, между ними белели столбики с указателями, и за каждым рядом

виднелся дощатый навес, а под ним – длинный стол со скамьями. Там, на краю этой части поселка, даже были умывальники и будки сортиров.

Приглядевшись, Кирилл заметил, что среди шатров и землянок попадались в основном мексиканцы – краснолицые, скуластые, в соломенных шляпах. А возле армейских палаток кое-где сидели в тени навесов представители белой, цивилизованной расы. И чем ближе становился центр Тирби, тем меньше попадалось на их пути мексиканцев.

Дорога петляла, поднимаясь все выше по холму. Когда же палаточный городок остался за спиной, их лошади остановились перед цепью, натянутой поперек дороги между двумя деревянными зданиями. Тут же стояла добротно сколоченная будка часового, и оттуда им навстречу вышел розовощекий блондин с латунной звездой на куртке.

- Добро пожаловать в Тирби, - произнес он, внимательно оглядывая пришельцев. – Вы из Мексики?

- Нет, из Колорадо, - ответил Остерман. – А какая, собственно, разница?

- По этой дороге приезжают из Мексики. Обычно мы их сразу заворачиваем вниз, к палаткам. – Охранник сдернул цепь с крюка, и она со звоном упала в песок. - У нас тут строго. А мексиканцы, знаете, вечно начинают бузить, только пусти их в салун. Как же вы ехали, что оказались на этой дороге?

- Заплутали в пустыне.

- В пустыне? Там никто не ездит. Надо было ехать через Тумбстон. А в пустыне апачи. Целая дивизия апачей. Говорят, их собрал сам Джеронимо. Как они вас пропустили?

- Видимо, они тоже решили, что там никто не ездит, - улыбнулся Илья.

Вдоль улицы сплошной стеной выстроились серые однотипные дома, и такой же сплошной лентой тянулись по обеим сторонам однотипные вывески. «Салун», «салун», еще «салун», «салун и номера», «обувь, шляпы и сбруя», «напитки и лекарства», и снова «салун». И только на небольшой площади глаз путешественника радовало приятное разнообразие: «Почта», «Банк», «Аптека», «Шериф». А выше всех, на фоне белесого неба, красовались черные буквы, сколоченные из досок – «Амбассадор».

В строительство отеля кто-то вбухал немалые деньги. Первые два этажа были сложены из настоящего кирпича, а не из саманных блоков, как все остальные здания на площади. Третий и четвертый этажи были деревянными, с двумя ярусами балконов. Над входом нависал портик, опиравшийся на две колонны, а входная дверь была почти сплошь стеклянной.

Такая же роскошь окружила Кирилла и Илью, как только они вошли в холл. Приятный полумрак и прохлада, множество цветов в деревянных кадушках и толстые портьеры на окнах – все, как в настоящем отеле где-нибудь в большом городе. Довольно странно было встретить такой комфорт здесь, вдали от железной дороги.

Холеный портье без лишних слов выдал им ключи от номера, и тут же появился носильщик в красной куртке, подхвативший чемоданы, а другой паренек из обслуги отвел их лошадей в конюшню. В двухместном номере не было ни пылинки, на столе стоял кувшин с водой. Кирилл сразу же налил себе в стакан – вода была чистая и холодная. И свежая, будто кувшин наполнили за секунду до прихода гостей. Да еще и бесплатная.

- В поселке внизу стакан воды стоит доллар, - сказал он Илье. – А здесь роскошный номер с полным пансионом мы сняли за десятку в неделю. Как ты это объяснишь?

Илья рухнул на постель, сложив руки под головой, и зевнул.

- Наверно, у хозяина есть другой способ выкачать из нас оставшиеся денежки. Низкие цены – это приманка.

- Ну, про один такой способ нам уже рассказал Мануэль.

- Наверняка здесь играют. Просто чтобы скоротать вечерок. И наверняка среди постоянных жильцов найдется пара-тройка шулеров. Которые делятся с хозяином. А еще с хозяином делятся дорогие проститутки, которые снимают номера на самом верху.

- У дамочек серьезные конкуренты, - сказал Кирилл, подойдя к окну и раздвинув занавески. – На соседней улице вижу два, нет, три дома с дежурными красотками в окнах.

- Мне не придется стаптывать обувь, чтобы все разведать, - сказал Илья и сладко потянулся. – Слушай, Кира, ты все равно стоишь, распорядись насчет ванны.

- Не могу, у меня дела внизу.

Кирилл вышел из отеля, пересек площадь и поднялся на крыльцо почты. «Семьдесят два шага», - машинально сосчитал он, открывая дверь. В команде Брикса было заведено первым делом составлять точный план местности. И оказавшись в новом месте, Кирилл видел не просто здания, деревья и заборы, а привычно отмечал все, что надо будет нанести на схему: огневой рубеж, сектор обстрела, укрытия и препятствия. Этот план может и не понадобиться. А может и жизнь спасти.

- Я жду телеграмму из Тассона на имя Кристофера Смита, - сказал он телеграфисту. – Насчет поставок товара. Не получали еще?

- Кристофер Смит? Одну минуту…. Да, сэр. Вот, пожалуйста.

Кирилл прочитал текст, который сам же и отправил два дня назад, а затем спросил:

- А из Техаса мне ничего не было? Должно придти сообщение об отгрузке.

- Из Техаса? Нет, сэр.

- Тогда я зайду попозже.

- Если вы остановились в «Амбассадоре», телеграмму вам принесут прямо в номер.

- Спасибо. Она может придти с минуты на минуту. Я подожду на площади.

Заметив свободный стул на галерее, опоясывавшей здание банка, Кирилл направился туда. Там уже сидели несколько обывателей. Один читал газету, остальные просто курили. Кирилл устроился с краю и, так же, как его соседи, вытянул ноги на перила. Разжег сигару и откинулся на спинку, низко надвинув шляпу на глаза. Никакой телеграммы он не ждал. По крайней мере, сегодня. Но теперь и работники почты, и немногочисленные посетители знали о нем все, что должны были знать: этот приезжий не просто так маячит на площади, а ждет важного сообщения.

- Из Тумбстона, братан? – спросил сосед, не поворачивая головы.

- Нет. Додж-сити.

- Как там с работой?

- Глухо.

- Здесь тоже.

Кирилл видел на поясе соседа кольт, болтавшийся на шнурке, без кобуры. Так носили оружие наемные стрелки. По каким-то признакам этот ганфайтер принял Кирилла за своего коллегу. Что ж, он почти не ошибся.

- В охрану рудника даже не суйся, - добавил стрелок. - Платят гроши, и контракт на год. А там никто не выдерживает больше месяца.

Кирилл кивнул в ответ. Поля шляпы прикрывали глаза от низкого солнца, и он мог хорошо разглядеть площадь перед банком. Ему уже было ясно, что налет здесь не удастся: некуда отходить. За площадью начинались лабиринты узких улочек, даже не улочек, а просто проходов между стоящими в беспорядке домами. Единственная широкая дорога вела к руднику, который угадывался далеко внизу по коническим отвалам породы.

«Банк нам не нужен, - подумал он. – Возни много. Здесь пахнет большими деньгами, но они лежат не в банковских сейфах. Они лежат в кармане хозяина этого города. Меднорудная компания принадлежит Сайрусу Тирби, он же владеет и каждым клочком земли вокруг. Значит, с каждого доллара, заработанного на его земле, Сайрус Тирби получает хотя бы несколько центов. Как бы уговорить его поделиться с нами?»

Чем больше он наблюдал, тем меньше верилось, что они уедут отсюда с добычей. В этом городе, очевидно, не было ни детей, ни стариков, а жили только мужчины от двадцати до сорока

лет. Если на площади и показывалась женщина, то ее обязательно сопровождал кавалер. Все носили оружие, и даже у дам наверняка имелся изящный пистолет в сумочке. Легко представить, как поведет себя население города, заслышав стрельбу в районе банка или казино. Шерифу не придется долго сзывать помощников – они сбегутся сами, надеясь поразвлечься.

«Да, задал мне Илюха задачу», - подумал Кирилл. Сказать по правде, он ввязался в это дело только для того, чтобы поддержать приятеля. С Остерманом бесполезно спорить. Если он что-то задумал, путь дойдет до конца. Пусть сам поймет, что идея была абсолютно бредовой. В конце концов, считать-то он не разучился? Вот и пусть просчитает, стоят ли усилия, риск и потерянное время тех денег, которые можно увезти из Тирби.

Кирилл уже сейчас видел: нет, не стоят. Хорошо бы отсюда выбраться без существенных потерь. Он мог бы сказать это Илье, но решил, что тот и сам все поймет.

Он сидел на площади, чтобы перехватить Мануэля и Рико, когда те появятся возле отеля. Но прошел час, затем второй, а они не приходили. «Мексиканцы, - снисходительно подумал Кирилл. – У них свое представление о времени. Для меня «через час» означает «через шестьдесят минут». Для них это может означать, например, «завтра утром». Если не появятся до вечера, завтра проведаю их сам».

У него даже на миг не возникло подозрение, что Мануэль и Рико могли его обмануть. Он часто имел дело с мексиканцами и индейцами. Подвоха можно было ожидать только от тех из них, кто занимался торговлей. А ковбои, проводники и бандиты – им он доверял.

9. Полковник Тирби и его друзья

Жизнь офицера в отдаленном гарнизоне полна опасностей. Во-первых, он может спиться. Если офицер не пьет, то он может испортить отношения с пьющим командиром, и поставить крест на карьере. Во-вторых, он может проиграться в карты. Если он не будет играть, то испортит отношения и поставит крест на карьере. В-третьих, он может просто испортить отношения с командиром. От долгого пребывания в глуши командиры понемногу сходят с ума, и нормальному человеку бывает трудно понять смысл их приказов, и тем более – выполнять их. И, наконец, офицер в отдаленном гарнизоне может сам стать командиром, в результате чего он неминуемо сопьется, проиграется в карты и сойдет с ума. Но при этом не поставит крест на карьере.

Многие командиры отдаленных гарнизонов стали выдающимися гражданами. Например, президент Улисс Грант. Или полковник Сайрус Тирби.

Дэвид Кардосо служил под его командованием в самом дальнем форте Орегона. В этой глухомани не было даже индейцев – последнего подстрелил часовой еще в сороковых годах. Гарнизон занимался добычей пушного зверя и самогоноварением, превращая кленовую патоку в огненную воду. Нижним чинам дозволялось пользоваться собственной продукцией только в обед, а офицеры потребляли ее при каждом приеме пищи, а также между оными. Их было трое – лейтенанты Кардосо и Хезелтайн под командованием капитана Тирби. За два года они успели изрядно надоесть друг другу, и не рыдали от горя, когда их гарнизон расформировали. Однако вскоре им снова пришлось встретиться, когда все трое получили назначение в кавалерийский полк, усмирявший индейцев в Дакоте.

В боевых действиях они не участвовали, были заняты охраной коммуникаций. Проще говоря, шатались по дорогам, останавливаясь в каждом салуне, чтобы уточнить разведданные и заодно пропустить по стаканчику. Так прошел еще год, который сблизил Кардосо, Тирби и Хезелтайна. Выяснилось, что они не зря тратили время в Орегоне, когда сутки напролет резались в карты. Сейчас, садясь за стол с местными фермерами, охотниками и ковбоями, они были уверены, что встанут не с пустыми карманами.

Лейтенант Кардосо играл честно. Он знал несколько приемов, помогающих контролировать ход игры. Еще он умел по уголкам глаз противника определять, не блефует ли тот. Впрочем, это было наименее важное его умение.

Самым же главным было другое – Кардосо никогда не ленился считать. Его поражало, как сильно озабочены его партнеры всякими психологическими трюками, и как мало они считают. Они запоминали, сколько карт прикупил противник, как дрогнули его брови, каким голосом он объявил свой ход. Но при этом не имели ни малейшего понятия, с какой вероятностью их «пара» может превратиться в «тройку».

Брови и интонации участников игры не привлекали внимания Кардосо. По крайней мере, до тех пор, пока он не получал ясного ответа на вопросы. Чем я рискую? Сколько могу выиграть? Каковы мои шансы? Остаюсь ли я в игре?

Он просчитывал вероятность той или иной комбинации для себя и партнеров. И если расчеты заставляли его продолжать игру, вот тогда он и начинал следить за уголками глаз. Впрочем, глаза могут обмануть, но математика – никогда.

Всех остальных участников игры почти никогда не интересовала математика. Разве что в момент подсчета своего проигрыша. Они больше полагались на умение, получив хорошую карту, изобразить полное отчаяние, с отвращением бросить карты на стол, но продолжить игру якобы просто ради компании. После чего, сделав ставку, они удовлетворенно откидывались на спинку стула и выпускали струю дыма вверх. Этот дым вверх, как свисток речного парохода, предупреждал Кардосо о том, что пора сходить на берег, потому что партнер, столь явно разочарованный, на самом деле получил четыре туза.

Для всех участников игры покер был продолжением их жизни. Они и в жизни привыкли притворяться и ломать комедию, так почему не делать того же за игорным столом? Всегда быть готовым исподтишка дать подножку обгоняющему сопернику. Гордо раздувать щеки, вертеть хвостом и выпячивать грудь, когда дела идут все хуже и хуже. Главное – произвести впечатление. По наблюдениям Кардосо, чем ничтожнее был человек, тем тщательнее он следил за тем, какое впечатление производит на окружающих.

Но в покер он выигрывал слишком часто, поэтому многие наверняка считали его искусным шулером. И совершенно напрасно. Единственное, в чем его можно было упрекнуть, так это в том, что он поначалу поддавался противникам, чтобы сорвать с них побольше выигрыша.

А вот Джерри Хезелтайн как раз был прирожденным шулером. У него были сообщники, поочередно игравшие вместе с ним. Были крапленые колоды, и запасные карты в рукаве, и еще множество разных трюков в запасе, которые позволяли ему раздевать своих незадачливых противников.

Наблюдая за Хезелтайном со стороны, вы бы никогда не заподозрили его в обмане. Никакой суетливости, никаких бегающих глазок. Более того, за игорным столом он выделялся как раз особым спокойствием на фоне остальных игроков. Бывало, что он крупно проигрывал, но и тогда не терял достоинства, быстро расплачивался и уходил. «Надо уходить, пока есть в чем», горько шутил он, покидая зал. Его самообладанию в такие минуты завидовали все, кто не знал, что Хезелтайн проигрывал только сообщникам.

Главным источником дохода для Хезелтайна и Тирби были скотоводы, которые заходили в салун после удачной продажи пригнанного стада. Выиграв первые двадцать-тридцать долларов, они заводились и уже не могли остановиться. Хезелтайн сам уговаривал их, пытался выйти из игры, но они размахивали своими кольтами и таки заставляли его продолжать игру – чтобы отдать ему все свои денежки до единого цента.

Роль капитана Тирби заключалась в том, чтобы изображать азартного неудачника. А в нужный момент он прерывал игру, объявив, что эскадрону пора двигаться дальше. Труба, как говорится, зовет.

Индейцы утихомирились, кавалеристы снова осели в фортах, и полк распустили по домам. Кардосо вышел в отставку, женился, овдовел, сменил десяток штатов и два десятка занятий, а потом получил наследство – полуразвалившийся особняк в Калифорнии. Разбирая отцовские бумаги, он обнаружил письмо со знакомым корявым почерком. Так мог писать только Сайрус Тирби, когда был относительно трезв. «Дорогой Дэвид», - прочитал он и удивился. Почему Дэвид? Отца звали не так…. До него не сразу дошло, что это письмо предназначалось не отцу, а ему.

«Дорогой Дэвид! За прошедшие десять лет многое могло измениться, однако для боевого братства годы ничего не значат. Твой адрес я нашел в штабных бумагах. Надеюсь, рано или поздно ты заглянешь домой…»

Рано или поздно? Письмо пролежало в столе два года. Так-так, значит, он уже полковник? Ну, и зачем он забурился в Аризону?

«… но дело, которым я начал управлять, сильно разрослось, и теперь само управляет мной. Я откусил больше, чем могу проглотить. Мне не хватает надежной команды. И я протрубил сбор. Если приедешь, не пожалеешь. Обещаю приличный стол, обильную выпивку и море приключений

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.